

КоТИНРО (КамчатНИРО) – 1981–1995 гг.

1981–1983 гг. – Биологические анализы нерки на Усть-Камчатском РКЗ. Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения реки. Сбор материалов по половозрелой нерке оз. Азабачьего. Вынужденное прекращение тралений молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Защита в ноябре 1983 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

1984 г. – Проведение специальных работ на Усть-Камчатском РКЗ (сбор материалов по морфометрии нерки). Работа по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения р. Камчатки. Возобновление тралений молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Начало изучения биологии трехиглой колюшки в бассейне оз. Азабачьего.

1985 г. – Продолжение специальных работ на Усть-Камчатском РКЗ (сбор материалов по морфометрии нерки). Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Первый экспериментальный лов половозрелой нерки в протоке Азабачьей. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение стандартных биологических анализов производителей нерки этого водоема. Приезд В. В. Зюганова с целью транспортировки производителей трехиглой колюшки оз. Азабачьего в Карелию для экспериментального скрещивания с местными формами. Выезд в ноябре на международный симпозиум «Нерка-85» в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада).

1986 г. – Работа в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Провал экспериментального лова нерки в протоке Азабачьей из-за ошибки прогноза. Кратковременные выезды на озера среднего и нижнего течения р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема.

1987–1989 гг. – Участие в рабочей группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Поездка в августе-сентябре 1989 г. на Аляску в Бристольский залив по приглашению Вашингтонского университета (г. Сиэтл, США) и Департамента охоты и рыболовства штата Аляска (г. Джуно, США).

1990 г. – Работа в группе по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. Статистические расчеты для книги «Азиатская нерка».

1991–1994 гг. – Участие в деятельности рабочей группы по оперативной регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки этого водоема. В августе 1992 г. выезд на полевые работы на Аляску в Бристольский залив. Проведение в 1993–1994 гг. специализированного лова нерки в протоке Азабачьей с целью снижения ее численности в бассейне озера. Работа над книгой «Азиатская нерка». Защита в 1994 г. во ВНИРО диссертации «Азиатская нерка» на соискание ученой степени доктора биологических наук.

1995 г. – Весенняя поездка на Тихоокеанскую биологическую станцию в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада) для редактирования английского варианта рукописи книги «Азиатская нерка» и посещение Вашингтонского университета (г. Сиэтл, США). Работа в группе по регуляции промысла лососевых рыб р. Камчатки. Неожиданное увеличение численности нерки р. Камчатки за счет рыб азабачинского стада. Траления молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Проведение биологических анализов производителей нерки

этого водоема. Выход из печати монографии «Азиатская нерка» на русском языке. Осенняя поездка на полевые работы на Аляску в Бристольский залив.

Приехав в начале июня 1981 г. в Усть-Камчатск, сразу заметил, что мои отношения с Валерой и Лидой Базаркиными резко ухудшились. После 20 июня, когда уже пришло время начинать траловые работы в протоке Азабачьей, супруги начали усиленную подготовку к посадке картошки на огороде у домика КоТИНРО на ул. Комсомольской, № 149. Ничего против я не имел, т. к. это традиционное занятие русских людей, позволяющее выживать, и является ежегодной процедурой. Просил только съездить на озеро на одну ночь, и потом 10 дней они могли бы заниматься своими делами.

Уговаривал Базаркиных до 5 июля. Вероятно, им это надоело, и супруги решили высказаться начистоту. Прежде всего, мне однозначно заявили, что Валера больше со мной тралить никогда не будет. Затем Лида начала «выступать», что я заставляю ее заниматься гидробиологическими работами на оз. Азабачьем, а она гидролог по образованию. Гидробиология ей не нужна. Более того, Б. Б. Вронский определил ей главную работу – взятие биологических анализов тихоокеанских лососей на Усть-Камчатском РКЗ. На все это я ответил: «Лида, да лет через 10 ты мне еще спасибо скажешь, что я тебя заставляю заниматься гидробиологией».

Валера начал говорить, что я плохой человек, и вместо того, чтобы дружить, начал конфликтовать с хорошими ребятами с биостанции «Радуга». Поэтому помогать тралить он не собирается.

Следует заметить, что в то время я еще не знал, что уже начал «конфликтовать». Видимо, Валера случайно проболтался, выдав мне конфиденциальную информацию, которая уже широко обсуждалась в узком кругу. Явный конфликт с сотрудниками биостанции «Радуга» у меня начнется только с полевого сезона 1982 г., но тогда, в 1981 г., я еще ничего не знал об этом.

Поехал на озеро один. На станции «Радуга» 6 июля 1981 г. мне предложил помощь Сергей Золотухин, работавший там инженером. С ним провели серию тралений в протоке и, в итоге, поймали всего одного смолта нерки.

Я еще оставался неопытен и решил, что скат уже закончился. В этом году озеро вскрылось ото льда в начале июня (на 10 дней раньше средних сроков распаления льда). Более 10 дней стояла безветренная солнечная погода. Температура воды в протоке уже превышала 20 °С.

Только через несколько лет пришел к выводу, что произошло все-таки временное прекращение ската, вызванное высокими температурами в протоке. Но тогда я этого не знал и больше попыток тралить в протоке в 1981 г. не предпринимал. Как мне стало ясно через несколько лет, следовало дожидаться дождливых холодных дней и попробовать поработать в протоке еще раз.

В течение лета 1981 г. еще два раза уговорил нетрезвых жителей Усть-Камчатска, приехавших отдохнуть на озеро, потралить по разу на «тундре» оз. Азабачьего. Если бы траления можно было проводить в дневное время, то возможностей собрать материалы по молоди нерки оз. Азабачьего имелось бы гораздо больше. Но траления требовалось выполнять с наступлением темноты, а к этому времени гости нашего озера или уезжали, или находились уже в отключке от «огненной воды» и мирно спали.

Мои исследования показали, что определение возраста нерки оз. Азабачьего в докторской диссертационной работе С. М. Коновалова были проведены неверно. Когда я поступал в заочную аспирантуру ТИНРО (г. Владивосток), то сразу же сказал Б. Б. Вронскому, что у меня имеются разногласия с С. М. по определению возраста, и я предполагаю, что здесь могут появиться осложнения. Но Борис Борисович сказал тогда, что Слава – демократ по натуре, и нечего опасаться. К сожалению, его прогноз не подтвердился.

В феврале 1982 г. на отчетной сессии КоТИНРО я выступил с докладом, в котором прямо указал на методические ошибки своего руководителя – директора ТИНРО д. б. н. С. М. Коновалова. Тот в защиту своих научных взглядов сказал, что нечего меня слушать, т. к. я «недоучка», ибо закончил Дальрыбвтуз. Он отказывается от руководства аспирантом.

В мою поддержку выступили Б. Б. Вронский и И. И. Куренков. Последний, в заключение, глубокомысленно сказал: «Если Юпитер сердится, то он не прав». Все смотрели на меня, как на покойника. В те годы существовало неписаное правило: если руководитель отказывался, то соискатель не защищался.

Некоторое время спустя во Владивостоке в ТИНРО вывесили приказ: «С. М. Коновалов слагает с себя руководство диссертационной работой В. Ф. Бугаева на соискание ученой степени кандидата биологических наук в связи с невыполнением запланированных работ и аморальным обликом соискателя»...

Так я лишился руководителя. Все окружение в институте на моей дальнейшей судьбе поставило жирный крест. Да и сам я так считал первое время.

Требовалось что-то предпринимать. Написал письмо в Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова АН СССР (г. Москва) старшему научному сотруднику к. б. н. Михаилу Валентиновичу Мине с просьбой стать моим руководителем. Описал ситуацию. Дело в том, что уже несколько лет я находился под сильным впечатлением от его книги «Рост животных» (в соавторстве с Г. А. Клевезаль), которую, можно сказать, выменял у одного научного сотрудника на «Три мушкетера» А. Дюма.

В 1982 г. у меня резко ухудшились отношения с сотрудниками станции «Радуга». Произошло это почему-то сразу после приезда моей жены Татьяны с дочерьми Юлией и Анастасией в начале июля ко мне на озеро. Я долго не мог понять, в чем дело, но через несколько лет эту «тайну» мне открыл Сергей Горшков.

Оказалось, что С. М. Коновалов, чтобы утвердить всех во мнении, что Бугаев – это нехороший человек, во время ужина поспорил с ребятами со станции. Суть сводилась к тому, что он уже давно раскусил мою «гнилую сущность» и сейчас даже может прогнозировать мое поведение.

Он сказал, что как только я привезу из Усть-Камчатска жену и детей, то сразу повезу на пляж у р. Лотной есть жимолость с куста, который он (С. М. Коновалов) неполностью обобрал два дня назад.

Когда мы с семьей проехали мимо «Радуги» и расположились на берегу р. Лотной, через некоторое время почти все сотрудники станции вместе с С. М. промчались мимо нас на лодках. Действительно, все увидели, что мои дети едят жимолость с одного-единственного куста, растущего неподалеку от берега. Сергей Горшков сказал, что когда он это увидел, то у него по телу даже прошли мурашки от прозорливости С. М. Вся станция «Радуга» была просто поражена.

После слов Сергея Горшкова все стало ясно. «Ларчик» открывался очень просто. За день или за два до приезда моей семьи на озеро, проезжая мимо р. Лотной, я увидел на берегу Александра Григорьевича Шевлякова и С. М. Коновалова, которые отдыхали у костра. Подъехал, они меня угостили чаем со свежей жимолостью. Я, естественно, спросил, где они ее рвали – и мне показали этот куст. Сказал, что как только приедут мои дети, первым делом повезу их сюда. Не мог же тащить их куда-то в лес: Юле тогда было 10, а Насте – всего 5 лет. Более того, несмотря на то, что в районе озера я работал уже несколько лет, я даже не знал, где растет какая ягода. У меня просто не имелось времени: собирал научные материалы, мотался на лодке между Усть-Камчатском, оз. Азабачьим и другими озерами нижнего течения р. Камчатки.

Считаю, что если для доказательства моей «гнилой сущности» С. М. Коновалов применил такой некорректный метод, как использование моей семьи, то это не делает ему чести.

Очень скоро получил от М. В. Мины ответ, в котором он рекомендовал защищаться в МГУ им. М. В. Ломоносова без руководителя. Работы мои он хорошо знал, т. к. неоднократно являлся их рецензентом в журнале «Вопросы ихтиологии».

Весной 1983 г. я выезжал в МГУ им. М. В. Ломоносова, где в лаборатории ихтиологии прошел предзащиту. Там встретил полное взаимопонимание. 14 ноября 1983 г. (без «черных шаров») защитил кандидатскую диссертацию.

Таким образом, главный аргумент бывшего руководителя С. М. Коновалова о моей научной несостоятельности («недоучка») не подтвердился, т. к. я защитил диссертацию в самом престижном университете нашей страны.

На всю жизнь у меня остались самые теплые воспоминания о той моральной и практической поддержке, которую мне тогда оказали москвичи-ихтиологи: к. б. н. Михаил Валентинович Мина (ИБР им. Н. К. Кольцова), д. б. н. Олег Федорович Гриценко (ВНИРО), д. б. н. Леонид Борисович Кляшторин (ВНИРО), д. б. н. Иосиф Бениционович Бирман (ВНИРО), к. б. н. Валерий Андреевич Максимов (МГУ им. М. В. Ломоносова), д. б. н. Ксения Александровна Савваитова (МГУ им. М. В. Ломоносова) и многие другие.

С супругами Лидой и Валерой Базаркиными на оз. Азабачьем мы жили в одном двухквартирном доме. В 1982–1983 гг. только здоровались, если сталкивались друг с другом на пункте. С Лидой еще немного разговаривали, но Валера подчеркнуто презирал меня, не скрывая своего превосходства в сложившейся ситуации, в разговорах с посторонними с восторгом говоря о С. М. Коновалове.

Шло время... Я работал – собирал и обрабатывал материалы, публиковал статьи. К концу 1983 г. в журнале «Вопросы ихтиологии» у меня уже было опубликовано 5 статей и столько же находилось там в печати.

Весной 1984 г. Валера Базаркин сам предложил мне возобновить траления молоди лососей в озере. Вероятно, до Лиды Базаркиной наконец «дошло», что эти материалы ей тоже необходимы для изучения степени выедаемости зоопланктона рыбами в данном водоеме.

В 1985–1986 гг. мы регулярно тралили в озере, но осенью 1986 г. Валера ушел из КоТИНРО в Камчатский отдел природопользования Тихоокеанского института географии ДВНЦ АН СССР. По результатам многолетних совместных тралений в 1987 г. я опубликовал в «Вопросах ихтиологии» в соавторстве с ним статью.

В 1983–1984 гг. в бассейне оз. Азабачьего наблюдалось превышение численности пропущенных на нерест производителей нерки выше оптимальной.

КамчатНИРО в 1984 г. пыталось организовать специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но эта инициатива встретила много противников, и такой лов организовать не удалось.

Первый специализированный лов нерки в устье протоки Азабачьей провели в 1985 г. рыбаки колхоза «Путь Ленина» под руководством бригадира В. Н. Пономарева (рыбалка «Нижнекамчатск»). Уровни воды в р. Камчатке в 1985 г. являлись идеальными для работы закидным неводом и, в итоге, существовала реальная возможность добыть рекомендованные 600–800 тонн рыбы.

Неожиданное вмешательство сотрудников станции «Радуга» привело к срыву лова. Рыбаки поймали всего 330 тонн нерки, а в озеро пропустили 284 тыс. шт. рыб, что превышало оптимум в 5–6 раз.

После путины колхоз «Путь Ленина» перечислил КоТИНРО 10 тыс. рублей. Из этих денег мне как автору внедрения специализированного лова в кассе института выплатили премию в размере 30 рублей. Вначале хотели выдать 100 рублей (об этом мне сказал наш главный бухгалтер Анатолий Михайлович Резин), но директор А. К. Евдокимов премию «срезал».

В 1984 г. в Усть-Камчатск на РКЗ и на Азабачинский наблюдательный пункт приезжали студенты из МГУ им. М. В. Ломоносова, направленные сюда д. б. н. К. А. Савваитовой.

По просьбе к. б. н. Валерия Валерьевича Зюганова (сотрудника ИБР им. Н. К. Кольцова АН СССР) студентка Галина Головатюк собирала материалы по трехиглой колюшке оз. Азабачьего. Результаты этой поездки студентов университета оказались настолько интересными, что в июне 1985 г. В. В. Зюганов приехал на оз. Азабачье сам.

У В. В. был очень вкрадчивый, «сладкий» голос, и он мог уговорить любого человека сделать все, что ему было нужно. Общение с ним для меня оказалось очень полезным: В. В. обладал широчайшей эрудицией и оказался исключительно интересным собеседником.

Цель приезда В. В. на озеро представлялась грандиозной. Он собирался из оз. Азабачьего перевезти в Карелию две выборки трехиглой колюшки (жилую – морфа *leiurus* и анадромную – морфа *trachurus*), которые хорошо различались по числу костных пластинок на теле. В период размножения обе группы рыб вместе обитали в озере, но не скрещивались между собой.

В. В. предполагал выпустить камчатских колюшек в слюдяные карьеры Карелии, заполненные водой, и скрестить их с местными морфами *leiurus* и *trachurus*. И он сделал это: каким-то фантастическим образом все-таки довел 10 полиэтиленовых пакетов с живыми трехиглыми колюшками до этих самых карьеров.

Чтобы рыбки не погибли по пути, он вез с собой баллон с кислородом и «цыганил» этот кислород в самолете при 9-часовом перелете Петропавловск – Москва.

Моя жена Татьяна совершенно случайно летела с В. В. в отпуск на одном самолете. Как она потом рассказала, это был цирк одного клоуна (В. В.) и униформистов (стюардесс) при полном аншлаге зрителей (пассажиры рейса).

Использую выдержку из книги В. Ф. Бугаева и др. «Рыбы реки Камчатки» (2007, с. 293–294): «Анализ дальнейшей судьбы трехиглой колюшки оз. Азабачьего, завезенной в экспериментальные водоемы (карьеры) Карелии (Зюганов, Бугаев, 1988) очень интересен. Приведу результаты экспериментов В. В. Зюганова (1988b, 1991), которым предпринята попытка скрещиваемости морф *trachurus* и *leiurus* из бассейна Белого моря (здесь наблюдаются стартовые стадии генетической дифференциации) и морф *trachurus* и *leiurus* из бассейна р. Камчатки (где наблюдается конечные стадии видообразования) (Зюганов, 1988b, 1991)...

Выяснилось, что камчатская морфа *leiurus* репродуктивно строго изолирована от симпатричной камчатской *trachurus* и от аллопатричной беломорской *leiurus*, т. е., по отношению к этим совокупностям она ведет себя как вид (Зюганов, 1988b, 1991). Однако от беломорской *trachurus* она репродуктивно не изолирована и способна к обмену генами с последней. В свою очередь, беломорская *trachurus* способна к обмену генами с камчатской *trachurus*, а та – с беломорской *leiurus* и т. д. Круг замкнулся.

Понятно, что уже в этой 4-компонентной системе, несмотря на то, что между некоторыми парами выявлена полная или почти полная репродуктивная изоляция, имеется принципиальная возможность обмена генами между двумя любыми совокупностями через какую-нибудь третью, даже если эти две между собой жестко изолированы. Важно подчеркнуть, что в такой системе имеется принципиальная возможность распространения генетического изменения части на все целое (Зюганов, 1988b, 1991)».

В дальнейшем мы еще несколько раз встречались с В. В. в Москве. Но в начале 1990-х гг., когда его дядя Г. А. Зюганов стал генеральным секретарем КИПРФ, наши отношения прекратились.

В ноябре 1985 г. вместе с директором КоТИНРО к. б. н. М. М. Селифоновым мы были приглашены на международный симпозиум «Нерка-85», который состоялся 19–22 ноября в г. Нанаймо (Британская Колумбия, Канада).

В этой поездке проезд до места назначения и обратно оплачивали русские, а отели и питание в Канаде – канадцы. Поэтому нам дали только 30 % от обычных командировочных (за 6 суток – 36 канадских долларов).

При подготовке к симпозиуму москвичи хотели заменить мою кандидатуру на представителя Министерства рыбного хозяйства СССР, но канадская сторона заявила, что в этом случае оплачивать пребывание советских граждан в Канаде они не будут. Меня оставили в делегации. Третьим участником нашей миссии стал переводчик из ТИНРО Виктор Петрович Туманов.

Для меня это была первая в жизни поездка за границу. Все сложилось очень удачно. Каждый из нас сделал по два доклада, которые вызвали большой интерес. Мы стали первыми русскими (после многих лет перерыва), которые приехали на международный симпозиум такого уровня по биологии нерки. До этого англоязычные исследователи знали только труды д. б. н. Ф. В. Крогиус и д. б. н. Е. М. Крохина, посвященные нерке оз. Дальнего (небольшого модельного стада, имеющего местное промысловое значение).

Нерка рек Озерной и Камчатки для исследователей Канады, США и Японии представляла интерес потому, что именно в них в отдельные годы воспроизводится до 90 % всех особей этого вида в Азии. Впоследствии доклады опубликовали на английском языке в трудах симпозиума.

Несмотря на явный научный успех вся поездка в Канаду прошла как в кошмарном сне: ее график сделали очень тяжелым. Дело в том, что в СССР к поездкам граждан, а тем более командировкам за границу относились с трепетом, как к чрезвычайному событию. Все наперегонки старались экономить валюту. Поэтому существовал принцип, возведенный в закон: ни одного лишнего дня за рубежом.

На практике это выглядело так: за несколько часов до посадки в самолет нам выдали служебные загранпаспорта (синие) и валюту. Через 3 часа после перелета Москва – Монреаль (более 9 часов) из другого аэропорта мы уже летели в Ванкувер (6 часов). По прибытии в Ванкувер через 3 часа на маленьком самолете вылетели в Нанаймо (45 минут) и глубокой ночью заселились в отель «Береговой Бастион».

Подъем в 7 утра. С 9 до 19 симпозиум с перерывом на 2 часа на обед. Я выступал в первый день с двумя докладами (переводили В. П. Туманов и канадский правительственный переводчик Никита Борисович Кириллов). Вечером банкет до 24 часов, где мне посчастливилось сидеть за одним столом с известным ученым – доктором Вильямом (Биллом) Риккером (он подсел ко мне сам).

На следующий день до 20 часов шли заседания. В этот день свои доклады делал М. М. Селифонов. Вечером к себе в номер нас пригласили Оле и Ренди Матисены. К ним также пришли Дон Роджерс, Роберт (Бад) Бергнер, Билл Риккер, Лео Марголис и Говард Смитт – известные ученые и исследователи нерки.

В третий день на симпозиуме до 16 часов шли дискуссии, и в 17 часов состоялось торжественное закрытие симпозиума «Нерка-85». Уже после 21 часа ко мне в номер зашел мой знакомый из Ванкувера Эдвард Зиблат (правительственный менеджер лова донных рыб в Британской Колумбии). С ним мы познакомились в октябре 1978 г. на Сахалине на Первом лососевом совещании. «Проговорили» до 2 часов ночи. На следующее утро вылетали в Ванкувер – подъем в 7 утра.

Прилетев в Ванкувер, ждали около часа в холле отеля «Pacific Palisade». В 12 часов заселились в номера (оставили вещи) и поехали на встречу с представителем советской выставки ЭКСПО-85 в Ванкувере.

У нашей делегации неожиданно возникла исключительно сложная проблема: советские чиновники в Москве дали нам троим билеты на самолет только на перелет Москва – Монреаль – Ванкувер, то есть – билеты в один конец. Купонов для возврата в СССР не было. Как это получилось – не знаю. Билеты вручили перед самым вылетом из Москвы. О том, что нет билетов на обратный перелет Ванкувер – Монреаль – Москва, выяснилось при вылете из Нанаймо в Ванкувер.

После долгих переговоров с Москвой представитель ЭКСПО-85 (не помню ни имени, ни фамилии) купил нам билеты по маршруту Ванкувер – Монреаль – Москва. Кто-то в Москве за это получил выговор, т. к. если бы билеты приобрели в Москве, то за них бы заплатили рублями, а так пришлось покупать билеты за валюту. Сэкономили!!!

После покупки билетов у нас имелось 30 минут свободного времени, и мы посетили супермаркет «Вулворт», где я купил себе кассетный плеер за 32 канадских доллара. В то время в СССР такие плееры еще свободно не продавались.

Вечером ходили в гости к Говарду Смитту, который, кроме нас троих, пригласил Волли Джонсона (известный канадский исследователь нерки) и Эдварда Зиблата. В час ночи вернулись в отель, а уже в 6 утра выехали в аэропорт.

Затем последовал тяжелый 6-часовой перелет до Монреаля и через 4 часа – 9-часовой перелет до Москвы. В столицу нашей Родины делегация вернулась «никакой» от усталости. Через двое суток вылетели на Камчатку. Даже сейчас, спустя почти 25 лет, с ужасом вспоминаю эту тяжелую поездку, т. к. никогда не сплю в самолете.

В 1986 г. наш институт вновь рекомендовал специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но было поймано всего 40 тонн. Произошла ошибка в прогнозе. Она явилась следствием того, что я не располагал данными о длине и массе тела смолтов нерки, мигрировавших из оз. Азабачье в 1981–1983 гг.

В 1986 г. в озеро в основном возвращались рыбы от ската 1983 г. (траления возобновили только в 1984 г.). В то время мне было трудно представить, что сброс роста (от максимума и почти до минимума) у молоди нерки может происходить в течение одного года, т. к. его увеличение всегда происходило постепенно в течение нескольких лет. Считаю, что если бы в 1981–1983 гг. в оз. Азабачьем я проводил траления молоди, то ошибки прогноза в 1986 г., скорее всего, не произошло.

Вот что об итогах работы КоТИНРО за 1986 г. писала газета «Камчатская правда» (от 16 декабря 1986 г.) в дежурной статье «В обкоме КПСС»:

«На заседании бюро обкома КПСС при рассмотрении вопроса "О неудовлетворительном выполнении решений ЦК КПСС и обкома партии по искоренению очковтирательства и приписок" была... рассмотрена работа руководства и парторганизации Камчатского отделения ТИНРО по повышению эффективности научных исследований, качества прогнозирования запасов рыб и укрепления связи с предприятиями и организациями рыбной отрасли Камчатки.

Камчатское отделение ТИНРО вносит определенный вклад в развитие производственного потенциала рыбной промышленности области. Вместе с тем деятельность Камчатского отделения ТИНРО не отвечает современным требованиям, предъявляемым к науке. Результаты промысла лососевых на Камчатке свидетельствуют о низком научном уровне, недостаточной целенаправленности и интенсивности исследований, проводимых отделением в изучении этого важнейшего семейства. Научная работа в основном сводится к исследованиям и сбору информации об условиях воспроизводства и жизни лососевых рыб в пресноводный период. Исследования морского периода их жизненного цикла носит фрагментарный характер.

Требуется укрепления связи ученых отделения с производством и академическими институтами, повышения – информированность рыбаков о результатах своей работы по определению запасов рыбы и морепродуктов на шельфе Камчатки и объемах возможного их вылова. Учеными недостаточно используются наблюдения промыслового и поискового флота, наблюдательных пунктов и экспериментального рыбоводного завода Камчатрыбвода. Неудовлетворительно развивается материально-техническая база отделения.

Создавшееся положение дел явилось следствием серьезных недостатков в работе администрации и партийного бюро отделения, их низкой требовательности к сотрудникам, коммунистам.

Слабым остается партийное руководство комсомольской и профсоюзной организациями. Партийное бюро недостаточно осуществляет контроль и проверку исполнения своих решений, критических замечаний и предложений, не развивает самокритику.

Бюро Камчатского обкома КПСС обязало руководство, секцию ученого совета и партийную организацию Камчатского отделения ТИНРО (т.т. Селифонов, Дьяков) устранить имеющиеся недостатки в работе.

При этом подчеркнуто, что основной задачей отделения является дальнейшее совершенствование методов прогнозирования возможного изъятия промысловых объектов путем комплексного изучения их экологии, воспроизводства, динамики численности, оценки абсолютной биомассы, разработка рекомендаций по рациональному использованию биологических ресурсов в водах камчатского шельфа и западной части Берингова моря, направленных на обеспечение устойчивости сырьевой базы и повышение эффективности работы рыбной промышленности области.

Партийной организации Камчатского отделения ТИНРО (т. Дьякову) поручено устранить недостатки в партийно-организационной работе, повысить ответственность коммунистов, всех сотрудников отделения за качество научно-исследовательских работ и выполнение тематических планов, укрепление дисциплины и порядка в отделении. В этих целях шире использовать в практике работы отчеты коммунистов на партийных собраниях и заседаниях бюро, развивать критику и самокритику, усилить партийное влияние на подбор и расстановку кадров, целенаправленно вести работу по их воспитанию».

Часто с удовольствием вспоминаю один эпизод из прошлой жизни на пункте. В конце августа 1986 г. у Валеры Базаркина созрела бражка из рябины – «рябиновка», и 1 сентября он предложил поехать в Тимофеевский залив – отметить День знаний и его уход из КоТИНРО. Он покидал наш пункт навсегда, т. к. переходил на другое место работы. Но кроме нас никого не было, и поэтому на берег залива приехали всего лишь вдвоем.

Наступила вторая половина дня. Светило ласковое осеннее солнце. Комары и мошка отсутствовали. Бражка была очень холодная (ее остудили в Банном ключе) и вкусная – как крепкий квас. Мы выпили по три-четыре-пять кружек и легли понежиться на берегу...

Когда проснулись от холода около 21 часа, светила полная луна... До сих пор вспоминаю этот случай, как один из самых счастливых в моей жизни, проведенных на берегах оз. Азабачьего. Сгорели тогда на солнце не сильно. Стояла осень.

Незабываемо прошла первая поездка на Аляску в августе-сентябре 1989 г., куда по частному приглашению Дона Роджера из Вашингтонского университета и сотрудников Департамента охоты и рыболовства штата Аляска во время трудового отпуска я ездил по линии научного туризма. Дорогу из Москвы до Нью-Йорка и обратно оплатил сам, а расходы в США на себя взяли эти две организации.

Приведу рассказ об этом путешествии «За морем житье не худо», опубликованный в газете «Вести» (№№ 40–41 от 6–9 апреля 1991 г.):

«Самолет заходит на посадку в Нью-Йоркский аэропорт имени Кеннеди с моря, – сказала мне соседка-американка, возвращающаяся из Москвы. В окна иллюминатора "Боинга-747" виднелась местность, почему-то напоминающая мне Усть-Камчатск (несколько дней назад находился еще там) – полосы земли чередовались с полосками воды, по которым с брызгами на небольшой волне неслись прогулочные катера.

Из самолета все попали сразу же в здание аэровокзала: американцы на этаж "Для американцев", а все остальные "Для не американцев". Минут 40 стоял в очереди – проходил паспортный контроль. По коридору с указателями вышел к выдаче багажа и через таможенный контроль попал к выходу из аэровокзала. Таможенник даже на мои вещи и не посмотрел.

Из Нью-Йорка требовалось добраться до Сиэтла. Спросил, где находится ближайшая справочная. Поднялся на этаж выше и вышел к информационному центру. Девушка, говорившая по-русски, прочитала письмо директора Рыбного исследовательского института Вашингтонского университета – Роберта Френсиса, которое я ей показал. Там выделялось два основных пункта: никуда из аэровокзала не выходить, на регистрации Вас будет ожидать билет. Авиакомпания не указана. Девушка любезно порекомендовала мне обратиться в "Пан Америкен", а если не будет, то в другие. В "Пан Америкен" моего билета не имелось. В других – тоже.

Я снова очутился у стойки информационного центра и сказал девушке, что свой билет найти не могу. Та немного подумала и посоветовала обратиться в авиакомпанию "Америка Вест", куда можно добраться в автобусе, курсировавшем по территории аэропорта.

Вышел на остановку на улицу и мне стало плохо – на улице стояла дикая жара. Прикинул, что не менее 35 °С. Минут через десять подошел автобус – там работал кондиционер. В автобусе показал письмо работникам аэропорта – двум девушкам-негритянкам. Те переглянулись и сказали, что в конечном итоге все случится "о'кей", и подсказали, когда мне выйти.

В "Америка Вест" у стойки стоял парень-бразилец. Табличка на униформе свидетельствовала – Жозеф. Прочитал письмо, набрал мою фамилию на компьютере – результат нулевой. Затем позвонил по телефону, имеющемуся в письме, в Сиэтл – Роберту Френсису в институт. Но заканчивалась суббота и в офисе никого не было. Жозеф предложил купить билет до Сиэтла. Я прикинул, что до понедельника далековато, и попросил самый дешевый.

Жозеф пощелкал на компьютере и сказал, что билет стоит 319 долларов. У меня с собой имелось всего 318. Эти деньги я получил в Петропавловске-Камчатском, обменяв 200 рублей в банке, следуя в США по частному приглашению. Сказал Жозефу о размере своего капитала – тот достал один доллар из кармана, пересчитал все деньги и на принтере компьютера распечатал билет. Прилепил бирку к чемодану и чемодан уехал по транспортеру. Затем Жозеф достал еще доллар и сказал, что на эти деньги можно позвонить в Сиэтле из аэропорта моим знакомым. Номера телефонов можно узнать в телефонной книге в аэропорту в Сиэтле.

После всего Жозеф объяснил, что самолет в Сиэтл будет лететь через Лас-Вегас, где необходимо сделать пересадку. Я подумал, что это, пожалуй, оригинально – посетить Лас-Вегас с одним долларом в кармане. Жозеф пожелал счастливого пути и занялся следующим пассажиром.

Самолет в Лас-Вегас летел в 10 часов вечера. До отлета оставалось еще около четырех. Прошел спецконтроль и вышел в отлетную зону – там располагались магазины, кафе и еще что-то, чему нет названия у нас в стране. Все выше перечисленное по техническим причинам (нет денег) не интересовало. Сел в кресло у выхода на посадку, решил посидеть четыре часа – "дело было вечером, делать было нечего".

В течение последних 17 лет мне приходилось заниматься в КоТИНРО изучением биологии тихоокеанских лососей. В основном, нерки в бассейне р. Камчатки. Нерка – один из наиболее ценных видов тихоокеанских лососей. В СССР воспроизводится практически полностью на Камчатке, главным образом, в бассейнах рек Камчатки и Озерной.

Но следует иметь в виду, что СССР обладает только 10–15 % всех мировых запасов этого вида. Остальные 85–90 % приходятся на Аляску и Британскую Колумбию (Канада). Поэтому побывать на Аляске всегда являлось заветной мечтой многих советских исследователей тихоокеанских лососей, особенно изучавших нерку.

Помимо нерки, на Аляске в больших количествах воспроизводятся горбуша, кета, чавыча и кижуч. Из тихоокеанских лососей там нет только симы, которая наиболее многочисленна в бассейне Японского моря, но встречается и на западном побережье Камчатки. К сожалению, дальневосточные исследователи тихоокеанских лососей с 1950-х гг. и по настоящее время на Аляску приезжали всего один раз.

Перестройка в СССР все изменила. В результате, 5 августа 1989 г. я сижу в Нью-Йоркском аэропорту. Собираюсь лететь в Сиэтл, из которого 7–8 августа вместе с профессором Вашингтонского университета Доном Роджерсом должен улететь на Аляску.

В Лас-Вегасе задержался всего 20 минут. Игровые автоматы – визитная карточка Лас-Вегаса – игровой столицы США стояли даже в полетной зоне. Кое-кто из пассажиров играл.

В Сиэтл я летел, вооруженный мазью от комаров. Пожилая женщина в Нью-Йорке, узнав, что лечу на Аляску, подарила эту мазь. Она сказала, что направляется в Лас-Вегас играть и мазь от комаров ей там не нужна.

6 августа в 4 часа утра прилетел в Сиэтл, а в 6 утра позвонил Роджерсам, и вскоре Дон и его жена Бренда забрали меня на машине домой.

Дону Роджерсу 57 лет, его жене Бренде – около 50. У Дона есть взрослый сын Том, который живет отдельно. Младшему сыну Джесси 12 лет. Роджерсы живут в небольшом, кирпичном, среднего достатка доме, который снаружи смотрится как полтораэтажный, но внутри помещения расположены в трех уровнях.

Днем Роджерсы своего "заморского гостя" возили по городу, показывая достопримечательности. Поражало почти полное отсутствие людей на улицах. Все ездят в автомобилях, из которых выходят только по мере надобности, подъезжая к домам, магазинам и учреждениям на максимально близкое расстояние. Но если у дома или магазина машина стоит рядом, то при поездке на работу от места парковки иногда приходится идти пешком 10–15 минут.

В понедельник поехали с Доном и Брендой в институт. В обед у меня уже был билет на Аляску. Уточнили места пребывания в США. Отправили в агентство "Аэрофлота" в Нью-Йорке письмо с просьбой зарезервировать место на вылет в Москву на 2–3 октября.

Встретился с сотрудниками института, где работал Дон. Многих знал по научным публикациям. Галопом пробежал по некоторым лабораториям – времени оставалось мало, надо еще собираться на Аляску.

После обеда ездили с Доном по магазинам – покупали продукты: главным образом, мороженое мясо и овощи. В Сиэтле продукты дешевле, чем на Аляске. Все купленное упаковали в пластмассовые квадратные контейнеры-термоса, которые привезли с собой.

8 августа встали в 6 часов утра, выпили кофе и поехали в аэропорт. Обратную машину домой вернула Бренда. До Анкориджа из Сиэтла летели три часа на самолете компании "Аляска Эйрлайнз". По прилету сразу же пересели в другой самолет дочерней авиакомпании и немногим более, чем через час, приземлились в Дилленгеме.

Нас встретила аспирантка Дона – Лиза Паттерсон. Она приехала на старом "Форде". На улице шел проливной дождь. Вещи поставили в кузов, сели втроем в кабину и по шоссе минут через 50 приехали на берег оз. Алегнагик.

Вещи перетаскивали в лодку с двумя 40-сильными моторами "Джонсон" и "Эвинруд". Лиза начала дергать за ручной стартер "Джонсона". Завела. Через пять минут, на одном моторе, подружили к биологической станции Вашингтонского университета.

Станция, куда приехали, небольшая и рассчитана на 8–10 человек. Дом-столовая, дом для студентов, лаборатория – жилой дом для научных сотрудников, мастерская, причал с 4–5 лодками.

В университетских домах есть электричество из пос. Алекнагик, холодная и горячая вода (стоит электрический титан), электро- и микроволновые печи, холодильник, морозильная камера, стиральная машина, комната-сушилка для одежды, цветной телевизор, видеомагнитофон, телефон, ксерокс, радиостанция. Весь комплекс работает только в летнее время. Зимой здесь никого нет.

Алекнагик – небольшой поселок, где живут несколько сот человек. Есть магазин, почта, заправочная станция для рыболовных судов и автотранспорта, две посадочные полосы для самолетов (на разных берегах р. Вуд, вытекающей из озера) и несколько мест на акватории озера, где регулярно садятся гидросамолеты.

Алекнагик – поселок, расположенный на нижнем озере системы озер р. Вуд, в которую входят Алекнагик, Нерка (нижнее), Нерка (верхнее), Биверлей, Кьюлик и Грант. Небольшие рыболовные суда, ведущие лов лососей в Бристольском заливе, поднимаются по реке до Алекнагика, а в паводок, вероятно, и выше.

На станции, кроме нас с Доном и Лизой, находился профессор Эл Эриксон и студенты разных курсов университета – Деймон Сирайт, Рэн Хэнсон и Кресс Бэтшли.

На следующий день и в последующие несколько дней мы вместе со студентами и Элом Эриксоном проводили работы на нерестилищах нерки в бассейне оз. Алекнагик. Практически все дни лил дождь. Сказали, что это типичная погода для Аляски, и поэтому приходится работать в любую погоду. На нерестилищах у мертвой нерки (сненки) студенты вырезали отолиты – кальциевые камешки из вестибулярного аппарата, по которым ихтиологи определяют возраст. Обычно из каждой речки или ручья собирали отолиты от 100 до 200 рыб (50 % самок и 50 % самцов).

Эл Эриксон вел исследования по выедаемости лососей на нерестилищах медведями. В связи с этим, если позволяли остатки, брали отолиты и у особей, пойманных, но недоенных медведями. По размерам оставшихся челюстей восстанавливали размеры съеденных рыб. Не знаю, как в другие сезоны года, но в середине августа летало довольно много мелкой мошки, а комары практически отсутствовали. После комаров в бассейне р. Камчатки мошка на Аляске переносилась легче.

Помимо сбора отолитов, в небольших ручьях и речках длиной до 10–15 км студенты просчитывали число нерестящихся рыб. В больших реках рыбу считают с воздуха – с самолетов (с вертолетов – дорого).

Утром, перед работой, студенты делились на две группы, и каждая собирала материал по одной реке. В целом, на Аляске оказалось теплее, чем на Камчатке в это время года, поэтому работать в дождь здесь комфортнее.

Обычный распорядок дня был прост. Утром – небольшой завтрак с кофе и, как правило, с блинами. На нерестилища студенты с собой еду практически не брали. Вечером – очень обильный обед (у нас – ужин). Как правило, после "обеда" все смотрели телевизионную программу или видеофильм, а затем занимались своими делами.

Меня поразило то, что студенты, работая весь день на нерестилищах по колено в чистой воде, берут с собой воду для питья из-за боязни заболеть. На Камчатке за 17 лет работы мне ни разу не приходилось таскать воду с собой на нерестилища. Не стал нарушать установившийся порядок и пил воду вместе со всеми из фляг.

Но больше всего был удивлен тем, что несмотря на обилие грибов вокруг студенты их не собирали. Из ягод с удовольствием собирали и ели голубику, немного – бруснику и совсем не ели почему-то княженику. Лично я предпочитал есть только княженику, но мой "самоотверженный" поступок ни у кого энтузиазма не вызвал.

Студенты на полевых работах получают 400 долларов в месяц и бесплатное питание от университета. Первые 4 года они платят за обучение от 1,2 до 2,5 тыс. долларов в год (в зависимости от специальности). На 5 курсе за обучение студенты деньги не платят, а получают единую стипендию – около 500 долларов. Аспирантам в период обучения положена ежемесячная стипендия, равная 800 долларам, а на полевых – на 400 долларов больше.

В связи с тем, что еще не умел готовить пищу, как привыкли мои американские коллеги, я подрядился мыть посуду и периодически с успехом это делал. Студенты и профессора готовят по очереди, но студенты несколько чаще.

Разговаривал с Деймоном, который только что закончил первый курс, о его будущей работе. Свое будущее он сформулировал так: "Моя научно-исследовательская работа – это мой бизнес, которым я буду заниматься после окончания университета".

Сразу же, в первые дни пребывания на Аляске, выяснилось, что мой "Зенит-Е" сломался. Не срабатывал затвор, т. к. ослабла пружина зеркала. В результате всех манипуляций с ремонтом фотоаппарата удалось добиться, что затвор срабатывал, если камеру держать "вверх ногами". Такой способ съемки оптимизма не внушал, но ничего другого не оставалось.

11 августа улетел Эл Эрикссон. 13 августа с оз. Илиамна прилетел Том Роджерс, сын Дона, который работает в университете механиком, а Деймон улетел на оз. Илиамна.

14 августа закрыли станцию, и все оставшиеся (сотрудники и студенты) на двух лодках поехали на дружную полевую станцию университета, расположенную на нижнем оз. Нерка.

Станция "Нерка" мне понравилась больше, чем в Алекнагике, т. к. она расположена в более живописном месте. Отличается от предыдущей только тем, что там нет телевизора и телефона, а энергопитание – от дизеля. Как только включили дизель, сразу же появилась горячая вода. Прогрев воды осуществляется в газовом титане, основная печь – не электрическая, а газовая.

Пока ехали на станцию, в реке, соединяющей нижнее оз. Нерка и оз. Алекнагик, видели несколько кот-тэджей – охотничьих домиков для богатых туристов. Дон сказал, что проживание в таком домике стоит 2 тыс. долларов за 5 дней.

Несколько дней занимались сбором отоликов нерки на нерестилищах, а также отловом неотнерестившихся рыб для генетических исследований. После биологического анализа икру студенты для засолки не брали, оставляли на берегу, и ее съедали чайки. Несколько рыб с незначительными брачными изменениями и красным мясом мы взяли для питания.

На станции, помимо душа, есть баня. Американцы называют ее "сауна". По сравнению с нашими банями на камчатских биологических станциях, сауна на нижнем оз. Нерка представляла собой не очень серьезное сооружение. По существу, это фанерный домик без трубы, в одну стену которого вделана бочка. Сауна топится снаружи.

Рэн Хэнсон натопил ее. Дрова для печки рубили вместе. А самое интересное началось потом: девушки сидели в закрытых купальниках, мужчины – в плавках. Веник они увидели в первый раз и крайне удивились моим действиям. Веник всем понравился. Я рассказал, что в русских банях теплее и люди парятся голыми, мужчины и женщины отдельно, если только они не муж и жена. Из бани бегали купаться в озеро. Вода у берега довольно теплая – около 18 °С. Шел крупный проливной дождь.

18 августа, ночью, с двух лодок близнецовым способом проводили траловые работы по молоди нерки и жилой форме трехиглой колюшки. Последняя – главный пищевой конкурент молоди нерки. Все траловые работы на Аляске выполняются так же, как и на Камчатке, только ночью.

Предварительно днем провели тренировку по технике траления. Над озером часто пролетали гидросамолеты. Встречались туристы на байдарках (обычно семьями). Ночью тралили по полной программе (по нескольким станциям на акватории озера), но уловы оказались небольшими.

Дон Роджерс на весь период, пока я буду на Аляске, дал мне свою японскую камеру "Пентакс". Сказал, что хватит пугать русским фотоаппаратом американцев. Добавил, что его камера падала несколько раз в воду и все равно снимает, не то, что русская.

Разговаривал с Доном об оплате труда научных сотрудников. По его словам, научные сотрудники получают в месяц около 3–5 тыс. долларов; 25 % из них составляет налог, который отчисляется в пользу государства. У Дона Роджерса из 5 тыс. долларов после налогов, страховки, медицинского обслуживания остается около 3. Оплата за эксплуатацию дома (газ, электричество, вода) обходится еще в 400 долларов.

В случае хорошо оправдавшегося прогноза по численности нерки контролируемых им стад Бристольского залива Дон получает единовременную премию – около 3 тыс. долларов + 200–300 кг мороженой нерки. В случае плохой оправдываемости – ничего. (*В качестве справки:* прогнозисты в КоТИНРО за оправдываемость прогнозов ничего не получают, да и оплата их труда на порядок ниже.)

21–23 августа ездили на двух лодках с Томом и Рэном на верхние озера системы р. Вуд – Биверлей и Кьюлик. В истоке реки, вытекающей из оз. Кьюлик, университет имеет небольшой домик, состоящий из одной комнаты (кэбин). Здесь ночевали две ночи. На озерах брали пробы зоопланктона, измеряли температуру воды по горизонтам, вырезали отолиды у мертвой нерки, произвели необходимый ремонт дома (с собой привезли строительные материалы).

Полдома сильно погрызли бобры. Сказал ребятам, что на Камчатке около 10 лет назад начали акклиматизировать бобров. Том выразил свое мнение, что это большая ошибка, т. к. рыбному хозяйству они наносят большой ущерб.

Мне лично самому приходилось видеть в истоке оз. Хагген (расположенного в бассейне верхнего оз. Нерка) бобровые плотины, намертво перегородившие проход нерки в озеро, тем самым начисто выведшие этот водоем из строя для воспроизводства лососей. По моим подсчетам, в бассейне оз. Хагген могло нереститься около 50 тыс. шт. производителей нерки.

24 августа вместе с Доном и Лизой вернулись в Алегнагик, а вечером 25 августа на самолете частной авиакомпании меня отправили на оз. Илиамна, на станцию Вашингтонского университета, расположенную на оз. Поркупайн.

Озеро Илиамна имеет протяженность около 120 км, площадь зеркала 2 622 км² (средняя глубина 44 м). Это самый крупный нерковый водоем мира, в бассейне которого нерестится в среднем 25 % всей нерки, имеющейся в природе.

Станция очень живописна. Там меня встретили студенты – Роберт Нельсон, Даглас Хелтон, Деймон Сирайт и аспиранты – Грег Руджерони, Грег Блейер и его жена Лесли (тренер по горным лыжам – сейчас находилась в отпуске).

Кроме названных, на станции жил девятимесячный сенбернар Лесли по кличке Бад. В день моего приезда организовали торжественный ужин со стейком, поджаренным на огне, и пивом. Сидели до поздней ночи.

На станции отличная библиотека фантастики, но, к сожалению, мое знание английского еще не позволяло от чтения получать удовольствие. Много журналов, в частности, был свежий "Плейбой" за 1989 г. В мартовском номере познакомился с первой советской секс-звездой Наташей Негодой, снявшейся ранее в фильме "Маленькая Вера". Советская Наташа в костюме Евы была ничуть не хуже американских секс-звезд. Не перевелись у нас еще на Руси таланты!.. Недаром говорят, что "чем менее развита страна, тем более развиты в ней женщины".

Все последующие несколько дней собирали отолиты у нерки, выполняли близнецовые траления. Сбор материалов из ближайших рек проводили на лодках.

В притоки, удаленные от станции на несколько десятков километров, летали на гидросамолете-аэротакси. Садились в истоках рек, затем сплавлялись вниз на резиновом плоту, а внизу нас снова ожидал гидросамолет. Практически ежедневно шел сильный дождь, а ветер стихал только глубокой ночью.

Обнаружил, что в фотоаппарате Дона Роджерса не работает в объективе диафрагма – заржавела. Вероятно, это явилось следствием купаний, которыми он так гордился. Делать ничего не оставалось, и пришлось снимать "советско-японской" фотокамерой – корпус от "Пентакса", а объектив – от "Зенита". В СССР выяснилось, что результаты оказались хорошие.

В одну из поездок по сбору материалов на биологический анализ я не выдержал зрелища того, как выбрасывали икру. В знак "протеста" посолил немного икры от нескольких самок. Никто из студентов есть не стал – демонстративно плевались, когда ел ее с блинами на завтрак.

Как отмечал выше, на Аляске много грибов. Студенты любят грибы, но едят только из магазина – консервированные. Вначале думал, что они не рвут грибов, чтобы не нарушить природу Аляски. Но выяснилось, что молодежь боится отравиться, т. к. не знает, какие из них съедобны, а какие нет.

В одну из поездок за 20 минут собрал около двух ведер ядерных подосиновиков и подберезовиков. Пожарил их с луком. Студенты вначале остерегались есть мое блюдо, но видя аппетит, с каким я уплетаю эти грибы, не напоминая человека, решившего принять добровольную смерть, решились на пробу. Теперь абсолютно уверен, что по крайней мере эти американцы станут есть грибы не только из консервных банок.

Самое сильное впечатление от Аляски, даже более сильное, чем непрерывный дождь, – это чистота, царящая на берегах водоемов. Нигде не видно никаких консервных банок, полиэтиленовых пакетов, бутылок и прочего "туристического" мусора. Он весь собирается и вывозится.

Так, уезжая с озер Кьюлик и Нерка, весь мусор и все отходы сотрудники университета сложили в черные пластиковые пакеты и привезли в Алегнагик, откуда они отправились дальше по линии сбора отходов.

Однажды, на р. Айс Крик, видел, что Лиза Паттерсон, уже сильно уставшая после нескольких часов ходьбы по нерестилищам, нашла банку из-под пива и несла ее еще 10 км, чтобы затем привезти в Алегнагик и выбросить в контейнер для сбора алюминиевых банок.

Другой пример. На оз. Илиамна поднимались на одну из окрестных вершин. После подъема решили наверху немного перекусить орехами. После трапезы вся скорлупа от орехов была собрана в пакет и выброшена в контейнер на станции.

В результате активной позиции населения Аляски по поддержанию чистоты берега рек и озер на Аляске поражают своей девственной чистотой несмотря на то, что здесь бывает много приезжего народа.

Озеро Илиамна – популярное место для состоятельных туристов. Так, в пос. Илиамна, откуда в начале сентября я улетал в Анкоридж, мы посетили лагерь, проживание в котором в течение недели стоит 4,5 тыс. долларов. Ежедневно сюда приезжает 36 человек гостей. Каждый гость имеет своего персонального слугу-проводника. Туристы занимаются рыбалкой, фотографируют медведей, посещают красивые места. Для их транспортировки на станции есть 4 гидросамолета. Питаются продуктами, доставляемыми из всех районов мира. Несмотря на дорогое обслуживание, фирма не прогорает.

На Аляску летят в основном туристы из южных районов США. Во время полета из пос. Илиамна в Анкоридж я разговорился с одной семейной парой, возвращающейся домой в штат Техас. Они остались в восторге от отдыха на оз. Илиамна и не жалели о потраченных деньгах.

В Анкоридже меня встретили сотрудники Департамента охоты и рыболовства штата Аляска, рыбные биологи Чарльз Мичем и Генри Юн, занимающиеся прогнозированием численности некоторых стад лососей в Бристольском заливе.

В эти дни в Анкоридже проходила 119-я конференция Американского рыболовного общества (American Fisheries Society), устраиваемая ежегодно в разных городах США. На конференции я должен был сделать доклад о нерке рек Камчатки и Озерной, написанный совместно с научным сотрудником КоТИНРО, моим другом В. А. Дубыниным.

Первые несколько дней, как решили мои американские коллеги, я поживу в семье у Генри, а затем – в семье у Чарльза. Генри привез к себе домой, а Чарльз поехал на заседание общества, т. к. являлся одним из ответственных организаторов проведения конференции в Анкоридже.

Несмотря на то, что уже около месяца находился в США, американских городов я еще фактически не видел.

"Анкоридж – настоящий американский город" – гласили туристические проспекты на Аляске. Как и все американские города, он имеет ярко выраженный компактный центр (даунтаун), где размещаются высокие административные здания богатых компаний, гостиницы, крупнейшие торговые центры. Затем, уже вдоль основных улиц, размещаются 2–4-этажные офисы, гостиницы и магазины рангом пониже. Основное население живет в частных домах с небольшими земельными участками.

Минут через 30 мы подъехали к дому Генри. Внешне дом смотрелся как полутораэтажный. Слегка сбавив скорость, Генри нажал кнопку на пластмассовой коробочке над головой. Дверь гаража открылась, и мы въехали вовнутрь. В гараже стояла еще одна машина. Дверь автоматически закрылась. Вышли из машины и через небольшую внутреннюю дверь гаража попали в холл дома. Здесь нас встретила жена Генри. Ее звали Джейн. Она по происхождению англичанка, а он – гаваец. Обоим чуть за 40. Через несколько минут из школы вернулась их дочь Лаура, которой на вид было около 6 лет. Она была очень маленькой. Школьный ранец составлял почти 50 % ее роста.

Дом у Генри расположен в двух уровнях. На первом этаже помещаются большой зал, кухня-столовая, подсобные помещения. На втором этаже – комнаты хозяев, Лауры и комната для гостей.

Лаура переделась и первым делом подошла ко мне. Спросила, какой из трех кружков – синий, красный или зеленый – мне нравится. Я указал на зеленый, и Лаура, довольная, убежала.

Немного перекусив, со всей семьей Генри поехали смотреть город. Приехали в центр и там немного погуляли пешком. Дождь перестал, но было довольно холодно. Джейн с Лаурой пошли в музей национальных костюмов народов мира, где Лаура по очереди начала примерять шляпы, платья и накидки, весевшие специально для этих целей, и рассматривать себя в зеркале. Пока Лаура меряла одежду, мы с Генри еще 40 минут погуляли по городу. Затем все встретились и поехали домой.

К 18 часам вдвоем с Генри мы отправились на брифинг, который устраивало "American Fisheries Society" в банкетном зале отеля "Капитан Кук".

В зале людно. Полумрак. С потолка свисали длинные ленты-водоросли вперемежку с флажками. Почти в центре зала находился помост, на котором стоял атлетически сложенный парень в плавках, изображая из себя Нептуна. Рядом у его ног лежала девушка в купальнике – Русалка. Вокруг жителей морской пучины наставили много блюд с крабами, рыбой, моллюсками и т. д. На отдельных столах стояли вино и пиво. Закусками служили, в основном, морепродукты, но позже подали и мясо. Каждый брал со столов что хотел. Стульев не было.

Люди, закусывая, переходили от одной группы к другой, разговаривали, общались, знакомились. У всех на груди приколоты карточки с именем, фамилией и страной. У меня на груди значилось: "Доктор Виктор Бугаев, Советский Союз".

Генри представил меня нескольким своим знакомым, те – своим. В конце-концов с "русским" начали знакомиться самостоятельно, т. к. карточка на груди привлекала людей – от вина и пива вся публика стала смотреть зорче.

Темы разговоров поднимали самые разнообразные. Все очень доброжелательно настроены друг к другу. Время от времени весь зал взрывался хохотом. Это Нептун начинал слегка покатывать Русалку трезубцем, а она, в пределах стола, среди закусок успешно от него уворачивалась.

От избытка впечатлений и длительных разговоров по-английски я вскоре почувствовал себя уставшим, и в 21 час мы вместе с Генри поехали домой. Брифинг только набирал силу.

Дома на подушке лежала круглая бумажная салфетка с наклеенным в центре зеленым кружком. На нем по-английски, с ошибками написано: "Виктору от Лауры самые лучшие пожелания".

Сейчас, уже на Камчатке, многие годы спустя, когда смотрю на эту салфетку (закладку в книге), вспоминаю маленькую американскую девочку Лауру и в душе желаю ей всего самого хорошего в жизни.

На следующий день встали в 7 утра, позавтракали с Генри и поехали слушать доклады. Моя презентация должна была состояться завтра – 6 сентября.

Весь день сидели и слушали выступления ученых на разных симпозиумах. Я – по интересующим меня вопросам, а Генри – по своим. Так как представляли много слайдов, таблиц и речь шла о родственных проблемах, около 70–80 % информации понимал на слух.

Уже здесь, во время докладов 119-й сессии общества, смог представить, насколько велик диапазон рассматриваемых тем. Обсуждали вопросы биологии отдельных видов рыб, проблемы охраны окружающей среды, жизни населения в районах промысла, внутренней и внешней политики. Всего на встречу общества прибыли более 1 200 человек из многих стран мира, главным образом из США и Канады.

На этой международной встрече я являлся единственным русским, и у меня не было переводчика для доклада. Поэтому накануне вечером устроили тренировку. Я докладывал по-английски, а Генри комментировал выступление. Кое-где Генри меня поправил, и договорились, что если стану непонятно излагать свои мысли, то он поможет.

Встали в 6⁴⁵. На улице дождь. Поехали на рабочее заседание общества. Сделал свой доклад после ланча, т. е. после 14 часов. Генри сказал, что выступление удалось и меня все поняли.

После доклада ко мне подошел профессор Вашингтонского университета Роберт Бергнер, попросил повторить доклад в Сиэтле, когда буду возвращаться в Советский Союз.

Вечером состоялся банкет в зале приемов отеля "Капитан Кук". Генри остался дома. Я был с Чарльзом (Чаком) Мичемом и его женой Чоли. Перед началом торжественного обеда выступили президент и заслуженные деятели этого общества. Президент отметил большую организаторскую роль Чака Мичема в проведении 119-й сессии "American Fisheries Society" в Анкоридже. Чак встал, и весь зал поприветствовал его аплодисментами. Домой к Генри меня привезли Чак и Чоли.

На следующий день встали в 7 часов. На улице густой туман, слабый дождь. Слушали доклады. На ланч ходили с Чаком в "Макдональдс". Чак учил "русского гостя" в этом ресторане быстрого обслуживания заказывать по-американски: "Биг Мак, Смол Френч фрайз, Медиум сайз кук, Хиэ". Это в переводе означало: фирменную булочку с котлетой, малый пакет жареной картошки, средних размеров стакан пепси-колы и все это – здесь (не надо складывать все купленное в пакет для тех, кто хочет еду взять с собой). Чтобы урок стал нагляднее, заплатил за свой обед сам.

После ланча сидел и слушал доклады до 16 часов. Затем Генри возил меня в библиотеку Университета штата Аляска, где в течение двух часов я просматривал литературу об Аляске. На это время Генри куда-то отлучался. Вернувшись, Генри отвез меня домой.

Быстро собрал свои вещи, и мы поехали на "Салмон Бейк" – обед на природе, устраиваемый организаторами сессии общества. По дороге меня и мой чемодан перегрузили в машину Чака. Генри уехал встречать сестру Джейн, которая приезжала сегодня ночью к ним в гости на несколько дней. С этого момента моя персона переходила под покровительство Чака.

Подъехали к цели поездки. На большом поле стояло 4 больших навеса с длинными столами и стульями. В нескольких местах выделялись столы с пищей. Люди подходили, становились в очередь и в бумажные тарелки накладывали все, что приглянулось.

Здесь имелась нерка отварная под белым соусом, рис с мясом, картофельный салат, салат из моркови, летиса, капуста кольраби и еще чего-то. На блюдах выложены дыни, клубника, виноград и многое другое. В нескольких местах стояли алюминиевые бочонки с пивом, и все желающие качали из них содержимое себе и коллегам по вечеринке в большие бумажные стаканы. Встретил много знакомых лиц, с которыми виделся на заседаниях общества.

Моими соседями оказались две девушки, служащие штаб-квартиры "American Fisheries Society" из Вашингтона – Карен и Треш и американец в бейсбольной кепке с эмблемой "Аляскан водка".

В стороне, под небольшим тентом, певец под гитару пел о том, какая замечательная штука жизнь и какие хорошие ребята живут на Аляске и т. д. Вскоре те, кто помоложе, стали отплясывать на лужайке.

По краям лужайки стояли несколько переносных кабинок-туалетов. Жаждающие мужчины и женщины, попеременно, прежде, чем зайти, просили подержать их пиво и тарелку. Выйдя, благодарили за помощь, и очередь двигалась дальше. Стоял хороший звездный вечер, но вскоре стало довольно свежо. В 23 часа праздник начал затухать, и мы с Чаком поехали домой.

Дома все спали. Когда лег в постель и потушил свет, то увидел над собой звездное небо – в потолке были вкрапления из светящегося состава, создающие подобную иллюзию. С видом на звездное небо и хорошим настроением уснул...

Встали, как всегда, рано утром – сегодня последний день сессии общества. После 12 часов все закончилось. Выставку новых технологий в рыбохозяйственных и водных научных исследованиях, соседствовавшую несколько дней с секциями и симпозиумами общества, разобрали в течение нескольких часов. Все разъехались.

После окончания работы секций мы с Генри и двумя его друзьями из Ванкувера (Канада) ездили на Порт-Глетчер, расположенный в окрестностях Анкориджа. Несмотря на то, что я раньше видел фотографии этого ледника, действительность превзошла все ожидания.

К леднику ведет хорошая асфальтированная дорога, есть музей этого уникального явления природы, где показана его эволюция в течение длительного периода времени. По прогнозам, к 2020 году ледник перестанет существовать – он растает из-за потепления климата на планете.

У ледника сделана смотровая площадка. Несмотря на то, что со слайдовой пленкой у меня имелись проблемы, непрерывно снимал. Генри буквально насильно увез меня с этого места в дом Чака и уехал домой.

Дома у Чака и Чоли отмечали день рождения младшего сына Джерода. Ему исполнилось 12 лет. У супругов (обоим чуть больше 40 лет) трое сыновей. Двое находятся сейчас за границей с целью изучения языка: один в Японии, а другой в Бразилии. Взамен в семье Мичемов живет девочка Джина (16 лет), которая также учит английский язык.

К Джероду пришли несколько друзей. Все принесли подарки. Процедура разворачивания подарков Чак снимал на видеокамеру. Это был целый театр. Все делали это с возгласами удивления и предположениями, что лежит в пакетах. Один мальчик подарил 10 долларов (десятью купюрами) в большой коробке из-под вина, в которой лежало много старых газет. Джина подарила 10 000 бразильских крузейро. Чак сказал, что три месяца назад в Бразилии произошла инфляция, и это сейчас приблизительно 3 000 крузейро (забыл, сколько это в долларах США). Родители подарили шерстяной свитер и электронную адресную записную книжку. Один из гостей – калькулятор и плюшевого тигренка. Принесли еще сборную модель самолета Ф-5 и детские книги.

Все заснятое на видеокамеру тут же прокрутили на видеомагнитофоне. Я вручил хозяевам дома свои подарки еще утром, не зная, что вечером предстоит день рождения.

Затем состоялся праздничный обед с тортом со свечами, которые не хотели гаснуть, и дети их гасили минут 5–6. Перед началом еды все прочитали молитву и только потом приступили к трапезе.

После еды именинник и гости поехали в спортивный клуб, где за определенную плату играли в мини-гольф. Дети остались очень довольны. Вечером все долго не расходились. Ели торт и мороженое. Двое мальчиков остались ночевать у Джерода.

В доме живет малый серебристый пудель – Тобби. Ему недавно сделали операцию, удалили опухоль.

Вечером Чак разбирал почту. Многие рекламные проспекты бросал в корзину не глядя. Из большой кучи корреспонденции у него осталось только 3–4 письма.

Утром, в субботу, мы с Чаком поехали "делать его маленький бизнес". Он распространяет специальные металлические колышки для надежного крепления самолетов, лодок, грузов и т. д., которые вбиваются в землю. Снаружи торчит только кольцо, за которое привязывают крепежные тросы или веревки. Чак показал свою новую контору, состоящую из двух комнат, что свидетельствовало об определенных успехах в его предпринимательской деятельности.

Вернувшись домой, забрали Чоли, Джерода и Джину и поехали на ярмарку, которая каждую субботу проходит на территории Университета штата Аляска. Его центральное отделение находится в г. Фербанксе, а в Анкоридже и Джуно – филиалы.

Ярмарка оказалась очень интересной. Здесь представляли много предметов прикладного народного творчества. Продаваемая продукция чем-то напоминала изделия наших кооператоров (сейчас многие не знают, что это такое), но только изделия были изготовлены более тщательно.

Особенно понравился "русский мужичок", работавший на самодельном токарном станке и точивший какие-то болванки. Допотопность этого станка привлекала публику, которая покупала его изделия, изготовленные раньше на хорошем оборудовании.

Рядом находилась палатка, на ней по-английски написали "Русский чай и русские пирожки". Недалеко торговали картинами с русскими церквями, действующими на Аляске. Никто из тех, кто вел "русский бизнес", по-русски не говорил ни слова.

На зеленых газонах играли дети. Трое певцов 9–15 лет вместе со своей мамой пели под гитару веселые песенки. Раньше эту группу я видел на обеде в отеле "Капитан Кук".

На ярмарке встретили Генри с Джейн и Лаурой. Лицо Лауры было со следами боевой индейской раскраски. Чак и Чоли часто здоровались со знакомыми – на ярмарке собрался почти весь город.

Америкацы – очень вежливые люди. Всегда улыбаются. Стоит только на ком-то остановить взгляд или более пристально посмотреть, как с тобой тут же поздороваются. Нашим людям приветливости явно не хватает. Это очень хорошо понимаешь, особенно в первый день возвращения из США в СССР.

После ярмарки поехали домой. Взяли в видеотеке фильм на кассете VHS. Чак специально попросил фильм американского производства о русских в СССР. Я развил его мысль и попросил еще взять какой-нибудь типичный антисоветский фильм. Меня огорчили отказом, сказав, что в их видеотеке нет антисоветских фильмов. Попросили зайти через день-два, обещая поискать в других видеотеках.

Обедали в 19 часов. Перед обедом традиционная молитва. В такие минуты смотрел на семью Чака и думал: какие у них спокойные и умиротворенные лица. После обеда говорили с Чаком о промышленном рыболовстве лососей на Дальнем Востоке и Аляске. Вечером смотрели фильм "Красная жара" о похождениях русского милиционера в Нью-Йорке, главную роль в котором исполнял Арнольд Шварценеггер.

10 августа – воскресенье. Встали в 6⁴⁵. И уже в 7⁴⁵ поехали в клуб мужчин-джентльменов при католической церкви, собиравшийся раз в месяц. Чак представил меня собравшимся: "Русский доктор, рабочий биолог с Камчатки, не бюрократ". Эту форму представления Чак использовал в течение всего времени, пока я пребывал в Анкоридже. Затем состоялся завтрак, на котором присутствовали около 30 человек.

После завтрака – лекция. Одна женщина рассказывала о своих питомцах – сове без крыла, орле с перебитым крылом и трех маленьких совятах, маму которых убили. Всех она принесла с собой и по очереди показывала. Уже стало традицией, что каждое собрание заканчивается лекцией на различные темы. Для птиц собрали денежные пожертвования.

Затем мы с Чаком вернулись домой, а потом с Чоли и детьми поехали в церковь на воскресную проповедь. Я принял участие в службе – подпевал по книге.

Чоли по происхождению итальянка, она – учитель музыки. У нее прекрасный, запоминающийся голос. С разрешения я сделал во время службы несколько слайдов в церкви.

После службы, которая продолжалась в течение часа, разговаривал со всеми американцами, которые хотели

со мной общаться. Отвечал на вопросы. Все собравшиеся очень дружески настроены к СССР. Во время службы Джерод и Джина занимались в воскресной школе. Сразу же вспомнил "Приключения Тома Сойера".

На ланч ездили домой, а затем катались по Анкориджу, поднимались по хорошей дороге на окрестные горы, ходили в гости к другу Чака – рыбаку Лесу Бартнеру и его жене Джуди. Вечером съездили в видеотеку и взяли фильм "Доктор Живаго".

11 августа в 6⁴⁵ подъем. После завтрака поехали в офис Чака – Департамент охоты и рыболовства штата Аляска. Чак – менеджер лова лососей и других видов рыб в Бристольском заливе. Меня представили сотрудникам его отдела.

Вместе с Китом Праттом, заведующим отделом рыбоводства, ездил на рыбоводные заводы "Биг Лейк" и "Форт Ричардсон Хетчеры". Особенно интересным стало посещение завода "Биг Лейк", на котором воспроизводят нерку, являющуюся трудным объектом для искусственного воспроизводства.

В офисе Чака передали материалы по молодым неркам из р. Вуд и оз. Илиамна, собранные раньше по моей просьбе сотрудниками этого департамента.

В последующие дни знакомился с научно-исследовательскими лабораториями, расположенными в Анкоридже. Еще раз посетил библиотеку Университета штата Аляска, где провел половину дня, читая газету "Правда" на русском языке двухнедельной давности.

Однажды на ланч Чак повез меня в ресторан быстрого питания "Бюргер Кинг" – фирму, конкурирующую с "Макдональдс". До этого он несколько раз предлагал зайти в "Бюргер Кинг", но я предпочитал последний. Все выяснилось при оплате. Надо отметить, что почти во всех случаях Чак платил за меня, но в "Макдональдс" и "Бюргер Кинг" я захотел платить сам, чтобы чувствовать себя более по-американски и накапливать опыт жизни в Америке. Когда заплатил, то удивился, что очень мало: гораздо дешевле, чем в "Макдональдсе".

Чак сказал, что когда меня обслуживали, то он показал оператору два бейсбольных мяча, и с меня не взяли денег за жареную картошку. Дело в том, что Чак дважды становился чемпионом по бейсболу и один раз по американскому футболу, спонсором соревнований которых является фирма "Бюргер Кинг".

В качестве одного из призов выдавался бейсбольный мяч, предъявляя который в "Бюргер Кинг", его владелец не платил за жареную картошку. Так как мячей было три, то их он мог использовать для своей семьи и своих друзей. Чак сказал, что он всегда веселит знакомых своими бывшими спортивными достижениями. Теперь всю свою жизнь, обедая в этой фирме, Чак, его дети и друзья имеют возможность есть жареный картофель бесплатно.

Вечером позвонили из видеотеки и сказали, что с большим трудом добыли антисоветский фильм "Русские в Нью-Йорке" производства 1984 года. На самом деле, это оказалась обычная перестроечная комедия, какие у нас показывали в СССР. В фильме одну из ролей играл Савелий Крамаров. Комедия слегка ностальгическая – лейтмотивом через весь фильм проходила мелодия песни "Голубые города".

13 сентября поднялись в 6 утра. Чак повез в аэропорт. Я улетал на полуостров Кенай. Там меня встретил Дэвид Велтмайер – биолог, работающий в заливе Кука. Из аэропорта поехали в пос. Солдотна, где находилось еще одно отделение Департамента охоты и рыболовства штата Аляска. Ночью предстояло участие в эхолотной съемке на оз. Тастамена.

Познакомился, наконец, с Джеффом Кеннингсом, известным американским лимнологом и гидробиологом, на работы которого часто ссылался сам. Затем Дэвид повозил на машине по окрестностям, и мы посетили русскую православную церковь в пос. Кенай.

Отец Макарий, которому несколько дней назад исполнилось 60 лет, немного говорил по-русски. Он не очень нам удивился и сказал, что русские сюда приезжают часто. Познакомил нас с историей церкви и, узнав, что я крещеный, – благословил, но сделал замечание: "Крещеные люди, заходя в храм, должны креститься". С отцом Макарием сфотографировались на память у его церкви. Был солнечный день, такой редкий на Аляске.

Дейв отвез меня к Джеффу домой. Дома находились его дети Меджин и Алекса – 8 и 4 лет. Вскоре приехала жена Линда, работающая воспитателем со слаборазвитыми детьми.

Джефф предложил съездить за пивом и в магазине долго выбирал что-то из нескольких сотен сортов. Спросил, как у нас обстоят дела с пивом на Камчатке. Я ответил, что не знаю, как дела в целом по СССР, но в Петропавловске у нас проблем с пивом нет. Оно или есть, или нет. Если только оно есть, то это единственный сорт – "Жигулевское".

Кстати, выбранный Джеффом сорт голландского пива очень сильно напоминал наше родное "Жигулевское". Я сказал ему об этом, чем еще раз подтвердил, что в СССР проблем с пивом нет.

После обеда Джефф отвез меня за 40 км, в исток р. Касилофф, вытекающей из оз. Тастамена. В 21 час начали эхолотную съемку. Озеро оказалось длинное и узкое – 45 на 10 км. Вода в нем была серой от тающих ледников. На работу вышли на трех катерах: на двух установлены эхолоты фирмы "Биосоник", а на третьем – мальковый трал (для расшифровки записей по уловам). Закончить работу предполагали в 7 утра.

Ночь стояла лунная, озеро – зеркально-гладкое. Катера шли в отрыве друг от друга на расстоянии нескольких километров. Общались с помощью радиостанций. В 3 часа ночи эхолот на катере, где находился я, сломался, и мы с Гэри Кайлом вернулись в Солдотну. Я здорово замерз, т. к. тек правый сапог. Надо отметить, что во всех местах на Аляске – на р. Вуд, оз. Илиамна и Тастамена, несмотря на то, что это были абсолютно разные и "не знакомые" друг с другом сапоги, у меня всегда тек правый сапог. Едва находился целый правый сапог, мы сразу же переезжали в другое место, и история с сапогом повторялась сначала.

Переночевал в отеле. На следующий день, после ланча, Дейв отправил меня в Анкоридж, где я попал в объятия Чака Мичема. Еще через день улетел в столицу Аляски – город Джуно. Провожал меня Чак.

В Джуно "русского доктора" встретили Оле и Ренди Матисены. Оле – профессор университета штата Аляска. Ему около 70 лет. Ренди на несколько лет моложе. Впервые с четой Матисенов я повстречался в 1985 г. на международном симпозиуме по биологии нерки в г. Нанаймо (Канада). За это время они внешне не изменились. Оле и Ренди отвезли меня в отель и простились до завтра.

Сходил в находившийся поблизости "Макдональдс". Уроки Чака пригодились. В номере по телевизору посмотрел "Крокодил Данди-2" (перед отъездом в США видел его на Камчатке) и лег спать.

16 сентября встал в 8 утра. Погода была отличная. В 10 часов приехала Ренди на машине. Она была бодра и доброжелательна. В течение дня Ренди возила меня по окрестностям и знакомила с достопримечательностями города: местным ледником, музеями, Золотым ручьем (местом первой находки золота в этом районе).

Джуно – город, построенный на золоте. Золотая лихорадка, описанная Джеком Лондоном, связана с этими местами. Неподалеку расположены знаменитый Чилкутский перевал и Клондайк.

Ходили по магазинам. Купил жене и детям сувениры с Аляски. Зашли в кафе "Перспектор". Посетили салун "Красная собака".

Ренди познакомила меня с магазином, торгующим русскими товарами. В красном углу под стеклом в рамке находилось приглашение, которое гласило, что мистер Кардиган в ознаменование годовщины советско-американского сотрудничества приглашается на обед к М. С. Горбачеву.

Дочь владельца магазина Таня (около 20 лет) год назад посетила Москву. Она стояла тут же, за прилавком, и сказала, что в СССР самый вкусный в мире шоколад.

В магазине продаются отличные русские сувениры – шкатулки, блюда, иконы (под старину) и т. д. Сувениров такого высокого качества в обычных магазинах в СССР не встречал, а в "необычные" не попадал ни разу. Сейчас в магазине стояла тишина, т. к. очередной круизный лайнер с туристами еще не подошел.

К вечеру Ренди отвезла меня в отель. День стоял солнечный, и это позволило сделать хорошие снимки Джуно и его окрестностей.

С вечера и до поздней ночи сидел и работал – делал биологический анализ молоди нерки: измерял длину, взвешивал, определял пол, набирал чешую. Гостиничный туалет в номере прекрасно заменял лабораторию. Часть материалов я обработал раньше – на оз. Илиамна, а "подарок" из Анкориджа решил "довести до ума" в Джуно, т. к. общий вес молоди в формалине приближался к 10 килограммам.

17 сентября пришлось на воскресенье. В 9 утра приехали Оле и Ренди и мы направились в католическую церковь. После службы поехали смотреть студенческий городок университета.

Во второй половине дня посетили церковь Святой Терезы – это жуткое и сказочное место. Все напоминало страшную сказку: дождь, церковь на острове, туман, надгробья, каркающие вороны...

Обедали у Матисенов. После обеда-ужина Ренди отвезла меня в отель, где я занялся работой

в лаборатории-туалете. Около 23 часов вспомнил про телефон русского учителя в Джуно, который мне сегодня дали знакомые Ренди (норвежцы по происхождению). Позвонил.

Александр Долитский, как звали учителя русского языка, приехал за мной через 15 минут. В 6 часов утра он должен улететь на какую-то конференцию, и шансов встретиться, кроме как сейчас, у нас уже не имелось.

Александр эмигрировал из СССР 17 лет назад. Сейчас ему немногим более 40 лет. Преподает в университете Джуно русский язык и является президентом компании, торгующей с СССР. Поздно ночью мы расстались, очень довольные друг другом.

Утром приехал Роберт Симпсон, исполняющий обязанности директора научно-исследовательской станции Аук Бей, где занимаются океанографией и водными биоресурсами залива Аляска. После представления персоналу станции я познакомился с тематикой исследований своих коллег, рассказал о своей работе, ответил на их вопросы.

Вернувшись в отель, до глубокой ночи работал в "лаборатории". В эту ночь всю работу закончил.

19 сентября с утра улетел в Ситку – бывшую столицу Русской Америки – Новоархангельск. Встретила меня там научный сотрудник университета Долли Гарза, индианка по происхождению. Она оказалась очень маленького роста.

Прежде всего мы посетили рыбоводный завод-техникум, расположенный в самом центре Ситки. На заводе разводят горбушу. Цикл обучения студентов начинается от отлова производителей горбуши, вернувшихся на завод, и оплодотворения икры. Продолжается – инкубацией икры, выпуском молоди. И заканчивается – возвратом взрослых рыб выпущенного поколения. В связи с тем, что горбуша созревает на втором году жизни, срок обучения в этом учебном заведении около двух лет. Выпускники получают специальность техника-рыбовода. Долли поселила меня в отель, а вечером пригласила к себе домой на обед.

Долли приехала на своем новом "Форде". "Это у меня первая машина", – сказала она с гордостью. С ней рядом в автомобиле сидела подруга – Поттиша (студентка-экономист). На мой взгляд, одета она была очень оригинально: из-под обрезанных джинсов на 10–15 см выступали белоснежные панталоны, заканчивающиеся немного выше колен. Поттиша в этом наряде чувствовала себя очень комфортно и свободно. Мне в душе стало стыдно, что ее одежду я вначале неправильно воспринял.

Подъехали к дому Долли. Возле него стояла небольшая коптилка – "смоук-хауз". Долли поинтересовалась: "У тебя такой же смоук-хауз?". "Да, такой же" – ответил я, но уточнять детали не стал.

Долли 27 лет. Она не замужем. В доме у нее находилось трое ребят-индейцев: один друг Долли и двое родственников. Меня пригласили на "рыбный день".

"Гвоздем обеда" представлялась икра нерестовой сельди на водорослях и особая разновидность чавычи, имеющая белый цвет мяса. Чавычу запекли в духовке. Для меня "белая чавыча" оказалась непривычна на вид и ассоциировалась с отнерестившейся (сненкой). Но по вкусу она ничем не отличалась от обычной, самой свежей, камчатской.

Вопросы задавала в основном Долли. Ребята практически молчали. Видно было, что они стеснялись. Чтобы не было пауз, я задавал вопросы сам. Выразил свое восхищение природой Аляски и гостеприимством американцев.

На следующее утро с Долли посетили "Бишоп Хауз" – бывшее административное здание и резиденцию священнослужителей времен Русской Америки. Здесь в настоящее время устроен музей освоения Америки русскими поселенцами.

После посещения музея попросил Долли отвезти меня на старое русское кладбище в Ситке, где похоронены соотечественники, жившие в Новоархангельске. Посещение этих древних, поросших мхом могил с покосившимися мраморными и гранитными крестами возбудило в душе очень доброе чувство к американцам, которые сохранили могилы русских людей и ухаживали за ними. На каждой могиле лежал венок из искусственных цветов. Бродил по кладбищу около часа. Долли тактично не пошла со мной и сидела в машине.

В этот же день ездили на частный рыбоводный завод, расположенный в 20 км от Ситки. Вечером улетел в Джуно, где меня встретил Оле Матисен.

21 сентября Оле Матисен, Даглас Эгерс (заведующий рыбохозяйственными исследованиями Департамента охоты и рыболовства) и Роберт Баркет (заведующий отделом) предполагали познакомить "русского доктора" с еще несколькими рыбоводными заводами в районе Джуно. Но из-за плохой погоды самолеты по местным линиям не летали и поездка не состоялась.

Вернулся в отель и начал готовиться к докладу, который делал раньше, в Анкоридже, на встрече "American Fisheries Society".

Вечером состоялся обед у Роберта и Мэри Симпсонов. Роберт угощал королевскими (камчатскими) крабами, угольной рыбой горячего копчения, салатами, копченой неркой, сухим вином и пивом – "Чинук" ("Чавыча"), выпускаемым в Джуно, и немецким.

Роберт предложил мне отгадать вид рыбы, и, к его большому удивлению, я это сделал, т. к. будучи студентом, во Владивостоке в 1970-х годах угольную рыбу ел часто. В завершение вечера Оле показывал слайды о своей поездке в Малайзию.

На следующий день встал в 6⁴⁵, сходил в "Макдональдс", а в 8 утра подъехал Даглас Эггерс и я направились к нему в офис. Познакомился с лабораторией анализа структуры чешуи и ее сотрудниками, многих из которых по работам знал раньше. Затем в 14 часов повторил в отделении Университета штата Аляска свой доклад. После доклада Даглас повез меня в резиденцию губернатора штата Аляска, где я был представлен политическому деятелю штата Биллу Шеффелду и министру рыбного хозяйства Британской Колумбии (Канада) Джону Саведжу. Билл поспрашивал минут десять о впечатлениях об Аляске и о почти "кругосветном путешествии" по маршруту Петропавловск-Камчатский – Москва – Нью-Йорк – Лас Вегас – Сиэтл – Аляска. До возвращения на Камчатку мне оставалось всего чуть более 4 часов полета. Билл Шеффелд выразил надежду, что в будущем на Аляску с Камчатки можно будет летать более коротким путем.

После посещения резиденции губернатора я попал под покровительство Роберта Баркета, и мы вместе с ним осмотрели лабораторию мечения рыб и ихтиопатологии.

23 сентября – последний день в Джуно и на Аляске. На улице проливной дождь. По плану моих американских коллег, сегодня должна состояться рыбалка в заливе, но из-за непогоды все сорвалось. Сажу в отеле, читаю сборник "Сахалин-89", который взял в офисе у Дагласа.

Вечером состоялся прощальный ужин у Дагласа и Сесилии Эггерсов. Ему – 41, ей – 35 лет. Он второй раз женат.

Пришло много народа – более 20 человек. Хозяйева приготовили мексиканскую еду. Ее в США любят. Все очень острое и вкусное. На душе было хорошо и немного грустно – заканчивался последний вечер на Аляске.

Поздно вечером я простился с хозяевами – Дагласом и Сесилией. Последние гости, молодожены Харольд и Сигрет Гайгер, отвезли меня в отель.

На следующее утро на самолете авиакомпании "Дельта" я прилетел в Сиэтл, где меня встретил Дон Роджерс и отвез к себе домой. Весь день Дональд, Бренда, Джесси и я гуляли по городу. Стояла очень хорошая погода.

25–26 сентября работал с литературой в лаборатории Дона. Жил у Роджерсов. Университет купил обратный билет до Нью-Йорка на 2 сентября (опять через Лас-Вегас).

27 сентября из Ванкувера на машине приехал Эдвард Зиблат и увез меня в Канаду. Вернуться в Сиэтл я должен был 1 октября (к обеду).

С Эдвардом познакомился в 1978 г. в Южно-Сахалинске на Первом международном совещании по биологии тихоокеанских лососей, и с тех пор мы время от времени переписывались. После 1978 г. встречались с ним только один раз, в ноябре 1985 г., во время международного совещания "Нерка-85" в Нанаймо.

Еще находясь на оз. Алекнагик, написал Эдварду письмо с предложением встретиться в Сиэтле, но он сделал гостевую визу в Канаду, о чем я не мог и мечтать.

В 16 часов подъехали к дому Эдварда. Жена его – Дороти обняла меня и поцеловала. Им обоим около 50 лет. Сыну Даниэлю 17 лет (через несколько лет он погибнет в автокатастрофе), а дочери Джоанне – 15. Родители Эдварда приехали в Канаду из Польши в 1928 г. Дороти – англичанка.

Дороти наварила к нашему приезду борща. На второе подала палтус с креветками и все остальное, что полагается к застолью, включая маринованные огурчики домашнего приготовления. В семье Эдварда почувствовал себя как дома.

Утром поехали на работу Эдварда в центр Ванкувера – "даунтаун". Ехали минут 50. Эдвард занимает

должность менеджера лова донных рыб в Британской Колумбии и по роду деятельности контактирует с советскими рыбодобывающими организациями, в частности, с Камчатрыбпромом.

В водах Британской Колумбии работают рыболовные суда и из Петропавловска-Камчатского. На одно из таких судов, БМРТ "Мыс Осипова", заходили мы с Эдвардом. Было очень приятно встретиться с земляками. Нас приняли капитан судна Сергей Борисович Ананьев и первый помощник капитана Анатолий Иванович Запорожский.

Вечером на ужин Дороти приготовила вареники с картошкой. Она их называет по-польски "пирóги". Оказалось, что это блюдо, исключая украинцев и поляков, мало кто знает в Канаде. Я сказал, что моя жена Татьяна тоже часто делает "пирóги" с картошкой и капустой, но только их в СССР называют "вареники".

Дороти угощала помидорами, укропом и луком со своей грядки в саду. У Эдварда рядом с домом растут виноград, из которого он делает домашнее вино, и немного фруктовых деревьев.

Несколько дней с Эдвардом и Дороти посещали примечательные места Ванкувера. Вечером обычно смотрели слайды о многочисленных поездках семьи – на Гавайи, во Флориду, на Ниагарский водопад и др.

29 сентября присутствовал на обеде, устраиваемом канадской рыболовной компанией для капитанов и старших помощников 60 польских судов. Обед проходил в китайском ресторане. Никогда раньше не встречался с поляками и никаких плохих чувств к ним не испытывал. Но когда ко мне в начале вечера подходили знакомиться поляки и узнавали, что я русский из СССР, то на лицах всех этих людей сразу же появлялась гримаса разочарования.

Приобретя этот маленький международный опыт, на вечере стал общаться только с канадцами, которые не скрывали ко мне дружеских чувств. Сидел за столом с Эдвардом, а рядом со мной села полячка Элизабет Жавадски – первый помощник капитана, которая вскоре должна стать капитаном судна. По-русски и по-английски она рассказала, с каким трудом ей удалось в Польше стать женщиной-штурманом, т. к. такая работа не считалась женской. Ей сейчас 40 лет, замужем, живет в Щецине. Я рассказал о себе. На прощанье мы пожелали друг другу удачи и расстались друзьями. Во время вечера поляки предложили тост за здоровье Элизабет – единственной женщины среди них и равной им. Спели хором в ее честь песню.

30 сентября – суббота. Мы с Эдвардом поехали на машине закупать продукты на неделю. Затем заехали в дом к его матери, которой уже исполнилось 85 лет. Она жила одна в доме. Дороти и Эдвард через день навещали ее, убирали в доме, покупали продукты и готовили пищу. Эдвард попросил рассказать его маме, откуда я приехал, и поговорить с ней.

Вечером состоялся праздничный семейный ужин. На следующий день Эдвард и Дороти отвезли меня в Сиэтл и сразу же вернулись обратно.

В тот же день, вечером, в китайском ресторане прошел обед-вечеринка со студентами и сотрудниками Вашингтонского университета, с которыми я работал в этом сезоне на полевых станциях Бристольского залива. Пришли Том Роджерс, Рэн Хэнсон, Лиза Паттерсон, Кресс Бэтшли, Грег Руджерони с девушкой, Роберт Бергнер с женой, Дональд и Бренда Роджерсы. Посидели часа два. Стало немного грустно. Общего разговора как-то не получилось.

На следующий день в середине дня сделал доклад перед сотрудниками и студентами Рыбного исследовательского института Вашингтонского университета об исследованиях нерки на Камчатке, после чего Дональд и Бренда сразу же отвезли меня в аэропорт, и я улетел в Нью-Йорк.

Прилетел рано утром, ожидал начала регистрации несколько часов. Когда она началась, компьютер меня не нашел. Подумал, что, возможно, перепутана фамилия и предложил оператору несколько вариантов своей фамилии по-английски. Один из них сработал. После регистрации потратил все деньги и с 45 центами в кармане пошел на посадку.

Уже в Москве, в аэропорту Шереметьево-2, четыре часа стоял в очереди на таможенный контроль. Досмотр вещей прошел быстро, т. к. родственников в США не имел и багажа у меня было мало.

Вышел из здания аэровокзала. Ко мне тут же подскочил мужичок и сказал, что за 30 рублей или одну видеокассету он довезет до центра Москвы. Понял, что я, наконец, в СССР. Мужичку отказал "по-русски". Сел в рейсовый автобус и поехал к станции метро "Речной вокзал".

Шел снег с дождем. Вымок еще сильнее, чем на Аляске. Уже ночью добрался до квартиры Валерия Зюганова, откуда два месяца назад началась моя поездка в США.

6 октября прилетел в Петропавловск, а 11 октября уже проводил исследования на оз. Азабачьем.

Сейчас, несколько лет спустя, я в полной мере оценил свои впечатления от посещения Аляски. С благодарностью вспоминаю Рыбный исследовательский институт Вашингтонского университета и Департамент рыболовства штата Аляска, бывших спонсорами моей поездки, а также всех людей, принимавших меня в своих домах, деливших пищу и кров, познакомивших с прекрасной Аляской. До конца жизни в моем сердце останутся самые добрые воспоминания об американцах и канадцах, с которыми пришлось встречаться в 1989 году».

Весной 1990 г. произошло извержение вулкана Ключевского, и в бассейне оз. Азабачье выпало около 5 мм черного вулканического пепла.

Прилетел на оз. Азабачье 30 мая, но озеро уже полностью вскрылось – не было ни одной льдинки. Снег на берегах почти растаял.

Для работы привез новый мотор «Тохацу-40». Такого мощного двигателя в это время в Усть-Камчатске ни у кого еще не было. Для длительных поездок по р. Камчатке, когда приходилось сразу же брать до 300 л бензина, это был прорыв в возможностях исследований. И мои надежды оправдались. С помощью 40-сильного двигателя легко удалось собрать хорошие материалы по молодежи нерки и трехиглой колюшке бассейна р. Камчатки.

Помню, в 1991 г. в одну из поездок очень удивил «ключевских», когда наш «Прогресс-4» со стоящей в лодке бочкой бензина и двумя людьми (вторым был М. К. Глубоковский) никак не хотел отставать от «Казанки» под 30-сильным «Вихрем» (марка и мощность нашего мотора людям из первой лодки не были видны).

В полевой сезон 1992 г. Рыбный исследовательский институт Вашингтонского университета пригласил нескольких сотрудников лососевой лаборатории КоТИНРО на Аляску, в Бристольский залив. Поездка состоялась во второй половине августа – начале сентября. В США мы добирались уже не через Нью-Йорк, как я в 1989 г., а через Хабаровск. От него до Анкориджа самолет летел всего около 6 часов.

В состав делегации входили: Свет Игоревич Куренков, Николай Борисович Маркевич, Николай Анатольевич Чебанов, Галина Марковна Мараева (переводчик) и я. На Аляске находились 25 дней. Посетили нижние озера системы р. Вуд – Алекнагик и Нерка (нижнее и верхнее), а также оз. Илиamna, из которого вытекает р. Квичак.

Поездка прошла весело, т. к. собралась большая компания. Сейчас, много лет спустя, уже почти не помню деталей, потому что не брал с собой фотоаппарат. Запомнилось только несколько эпизодов.

Вспоминаю счастливого Света Куренкова, который впервые летел в США. У него была мечта жизни – прилететь в Штаты в ж..у (часть тела) пьяным, и он ее с блеском осуществил. Я его несколько не осуждал, а радовался вместе с ним – исполнение мечты редко удается кому-либо наблюдать воочию. У всей делегации прослеживалось приподнятое настроение. Все были под градусом.

В Анкоридже посетили Департамент охоты и рыболовства штата Аляска и Генетическую лабораторию, которой заведовал Дик Вилмот. Через день вылетели в Бристольский залив в пос. Дилленгем.

Спустя два-три дня после нашего прибытия на полевую станцию Вашингтонского университета на оз. Алекнагик случилось ЧП. Зная, что ему нельзя, Н. Б. Маркевич все-таки решил попробовать американского пива, и у него началась аллергическая реакция. Почувствовал себя плохо.

Не помню точно, но в какой-то книге читал, что в случае аллергической реакции больному можно давать транквилизаторы. До пос. Дилленгем, где имелся госпиталь, езды на машине было 40–50 минут. До того, как Н. Б. повезут в госпиталь в Дилленгем, дал ему выпить на свой страх и риск две таблетки феназепамы. Название лекарства написал по-латыни и дал бумажку с собой.

Как потом сказали американские врачи, все было сделано правильно, т. к. аллергическая реакция к моменту приезда в госпиталь у него практически прошла. Все были счастливы, что легко отделались. Правда потом, еще года два, Н. Б. в КоТИНРО несколько раз приходил счет за оказанную ему медицинскую помощь (72 доллара США).

На Аляске Свет Куренков начал баловать нас жареными грибами (белыми, подберезовиками, подосиновиками). Надо отдать ему должное, он любил и умел хорошо готовить, как и большинство ихтиологов (профессия тому способствует).

Американцы первое время с нами грибов не ели, боялись отравиться. Но «ломались» недолго, всего часов 12, когда увидели на следующий день, что русским хуже от грибов не стало.

Вспоминается ловля щук на оз. Нерка (на полевой станции «Нерка»). Когда Свет Куренков узнал, что в протоке оз. Литл Тогиак ловятся щуки, то загорелся желанием порыбачить. Совместно с Николаем Чебаковым они поймали 5 щук, каждая из которых достигала метра в длину.

Увидев улов, американские студенты пришли в ужас. Оказалось, что они тоже ловят здесь щук, но всех потом выпускают. Свет философски сказал: «Просим извинить нас, что мы не знали местных обычаев, а этих щук теперь придется съесть с белым винным соусом». Их съели с этим самым соусом, и американцы не отказывались.

На оз. Илиamna в полевом лагере университета устроили большой международный «симпозиум», в котором принимали участие американцы (двое), канадцы (четверо) и мы, русские. Англоязычная сторона на «банкет» выставила несколько бутылок текилы «Панчо Вилья», а русские – последнюю бутылку водки и бутылку Советского шампанского. Было много разговоров, шуток. Все закончилось грандиозным фейерверком, организованным хозяевами станции во время мытья в бане. Международные участники «симпозиума» наблюдали его голыми – все одновременно вышли на улицу.

В ответ на гостеприимство американцев раскритиковали их железную печь в бане (без трубы – простая железная бочка, положенная на бок) и подарили «секретный» чертеж печи-буржуйки, которую они изготовили и установили на станции в следующем полевом сезоне.

При возвращении в Россию и прохождении спецконтроля в аэропорту Анкориджа у Николая Борисовича отобрали рогатку, которую он купил своему сыну Григорию, а также початую бутылку водки (вся делегация КоТИНРО чуть не умерла от смеха). Когда выяснили, что летим в Россию, то рогатку отдали стюардессе, которая вернула ему ее уже при выходе из самолета в Хабаровске.

Водку вернули сразу, но горлышко залепили скотчем и сказали, чтобы до посадки на борт Николай Борисович в аэропорту из горлышка водку не пил. Он пообещал соблюдать правила, но через некоторое время забыл про свои обещания. Все мы возвращались домой навеселе – выпивку в самолете наливали без ограничений. Летать компанией, конечно, веселее, чем в одиночку.

В Хабаровск прилетели вечером и ночевали в аэропорту. Не стали уходить из международного сектора и после 22 часов, когда там закончились все операции. Дежурный разрешил остаться здесь на ночь.

В 6 часов утра всех разбудил веселый Свет Куренков. Пригласил покушать. На завтрак он «приготовил» бутылку водки и блины с маслом. Сказал, что на базаре в это время в продаже имелись только блины и водка. Ну что уж тут делать: чем богаты, тем и рады. В 7 часов утра нас выгнали уборщицы, и мы пошли в русский сектор – там клубилась тьма народа. К обеду прилетели в Петропавловск.

В середине сентября 1993 г. в Петропавловск приезжал мой друг доктор Оле Матисен из Университета штата Аляска. Он собирал материал для своей новой книги.

Попросил Константина Юрьевича Непомнящего, попутно, если будет такая возможность, завезти нас с Оле на одну-две ночи на вертолете на оз. Азабачье. Я оставил там ихтиологические пробы, и их необходимо было до наступления холодов обязательно вывезти в город.

Кроме того, в будущую книгу «Азиатская нерка» хотелось включить цветную фотографию оз. Азабачье, и сейчас появлялся последний шанс ее сделать (раньше не имел соответствующего фотоаппарата). Константин мою просьбу выполнил, и мы с Оле в один прекрасный день оказались на Азабачинском наблюдательном пункте.

Естественно, Оле на озере понравилось. Но случилась одна незадача: через два дня Константин за нами не прилетел, а через 7 дней Оле надо было улететь в США.

Продуктов у меня в доме уже практически не осталось. Варили старые запасы гречки и гороха, которые пролежали на полке несколько лет. Лаборант пункта Алексей Семенченко один раз угостил дикой уткой.

Оле особо не скучал. В пунктовой библиотеке в избии имелись старые научно-популярные технические американские журналы 1950-х гг. Это для него явилось неожиданностью. Он их с удовольствием листал.

Наконец, вечером 6-го дня ожидания решили на следующий день ехать на лодке в Усть-Камчатск, а оттуда добираться до Петропавловска на рейсовом самолете. К счастью, уже под закат солнца того же дня Константин прилетел. Вертолет ночевал на пункте. Устроили большую баню и обильный ужин (продукты привезли пилоты).

К обеду следующего дня вернулись в Петропавловск. С тех пор «на одну ночь» на Азабачинский наблюдательный пункт иностранцев больше не завозили. Впоследствии Оле с гордостью рассказывал своим коллегам в США и Канаде, как он жил со мной на оз. Азабачьем.

Подготавливая в начале октября 1993 г. выписку решения Ученого совета КамчатНИРО для оформления сопроводительной документации докторской диссертации, я ознакомился с протоколом № 11 (от 28 сентября 1993 г.), где утверждали тему моей докторской.

Присутствовали: М. М. Селифонов, к. б. н. – председатель совета, директор КамчатНИРО; Ю. П. Дьяков, к. б. н. – зампред, замдиректора по научной работе; Б. Б. Вронский, к. б. н. – зампред, замдиректора по научной работе; Т. И. Толстяк – секретарь совета, ученый секретарь КамчатНИРО; С. А. Синяков, к. г. н. – заведующий лабораторией динамики численности и совершенствования прогнозов лососевых рыб; В. И. Карпенко, к. б. н. – заведующий лабораторией морских исследований лососей; В. И. Полутув – и. о. заведующего лабораторией донных рыб; Г. Е. Карманов – и. о. заведующего лабораторией океанографии; А. И. Болтнев, к. б. н. – заведующий лабораторией изучения морских зверей; В. С. Левин, д. б. н. – заведующий лабораторией беспозвоночных и промысловых водорослей; Ж. Х. Зорбиди, к. б. н. – ведущий научный сотрудник; Н. В. Варнавальская, к. б. н. – заведующая лабораторией популяционной генетики; В. Ф. Бугаев, к. б. н. – ведущий научный сотрудник.

В своем выступлении к. б. н. В. И. Карпенко считал диссертацию неготовой, рекомендовал сократить рукопись и хорошо ее отредактировать, а лучше всего – защищаться по книге, которая должна выйти в 2005 г. (в таком случае я стал бы доктором наук на 2–3 года позже).

Все остальные выступающие – к. г. н. С. А. Синяков, д. б. н. В. С. Левин, к. б. н. А. Н. Болтнев, к. б. н. Н. В. Варнавальская, к. б. н. Б. Б. Вронский, к. б. н. М. М. Селифонов – совершенно однозначно сказали, что диссертация готова и соответствует всем нормам, предъявляемым к такого рода квалификационным работам.

Напомню, что Спецсовет ВНИРО по защите докторских диссертаций уже готов был принять ее к защите, т. к. я представлял ее там. Оставалось только соблюсти формальность – утвердить тему диссертации в институте, где работал. Очень часто бывает, что тема утверждается, а диссертация затем не пишется или не защищается. Здесь же как раз имел место противоположный случай: диссертация написана, а формальности не соблюдены.

Приведу полностью «Решение» из протокола № 11 Ученого совета КамчатНИРО (от 28 сентября 1993 г.):

«Заслушав и обсудив диссертационную работу ведущего научного сотрудника В. Ф. Бугаева "Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)", секция Ученого совета КамчатНИРО рекомендует принять к защите на соискание ученой степени доктора биологических наук по специальности "03.00.10-ихтиология" диссертацию В. Ф. Бугаева "Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)".

Тема диссертации утверждена на секции Ученого совета КамчатНИРО (протокол № 8 от 18 мая 1993 г.). Она является актуальной как для решения ряда теоретических вопросов биологии нерки, так и для практического применения в решении вопросов оптимального изъятия нерки промыслом. Тема диссертации соответствует основным направлениям исследований тематического плана КамчатНИРО по разделам "Разработка годовых и перспективных прогнозов вылова промысловых объектов и осуществление мониторинга их реализации", "Исследование красничьих озер Камчатки, их экспериментальная фертилизация".

Личное участие автора в получении научных результатов, изложенных в диссертации, не вызывает сомнения. Научные положения и выводы работы соответствуют целям и задачам, поставленным в работе

диссертанта и являются достаточно обоснованными. Личный научный вклад соискателя подкрепляется большим числом публикаций в отечественных и зарубежных журналах, выполненных по теме диссертации. Расширенный вариант диссертации – книга "Азиатская нерка" (на английском языке) издается в настоящее время в Канаде».

27 мая 1994 г. без черных шаров защитил во ВНИРО диссертацию «Азиатская нерка *Oncorhynchus nerka* Walbaum (пресноводный период жизни, структура локальных стад, динамика численности)» на соискание ученой степени доктора биологических наук. Официальными оппонентами были: д. б. н. Станислав Петрович Воловик (АзНИИРХ), д. б. н. Леонид Борисович Кляшторин (ВНИРО) и д. б. н. Герман Германович Новиков (МГУ им. М. В. Ломоносова). От ведущего учреждения отзыв писал д. б. н. Михаил Валентинович Мина (Институт биологии развития им. Н. К. Кольцова).

Весной 1995 г. подал заявление и соответствующие документы в аттестационную комиссию КамчатНИРО на переизбрание на должность главного научного сотрудника отдела лососевых рыб. Но мое заявление комиссия рассматривать не стала, т. к. ее член к. б. н. В. И. Карпенко, мотивируя тем, что нового нет, извлек старое положение 1988 г. (еще СССР), по которому претендент на главного научного сотрудника должен обязательно иметь звание профессора. Профессором я не был. Поэтому и не стал главным научным сотрудником.

Думаю, что если бы в 1995 г. меня все-таки избрали главным научным сотрудником КамчатНИРО, то Вы бы, уважаемый Читатель, сейчас держали в руках немного другие мемуары. Это пример того, как «случайности» определяют наше будущее.

Прошло время... Русскоязычный вариант книги «Азиатская нерка» вышел из печати в Москве в издательстве «Колос» только в августе 1995 г., а ее англоязычный аналог не реализовался (был сделан перевод рукописи на английский, но экономическая обстановка в Канаде не позволила ее издать).

Таким образом, если бы я воспользовался «советом» В. И. Карпенко, то стал доктором биологических наук не в 1994 г., а в 1996–1997 гг., т. е. в тот период, когда докторскую диссертацию защитил он сам.

В 1987–1992 гг. КоТИНРО временно не рекомендовало специализированный лов нерки в протоке Азабачьей, но в 1993–1994 гг. такой лов вновь стал возможен.

К сожалению, из-за вмешательства природоохранных структур лов в эти годы практически сорвали (в 1993 г. добыли 217, в 1994 г. – 9 тонн азабачинской нерки). В результате, в оз. Азабачье в 1993 г. прошло 394, в 1994 г. – 470 тыс. шт. производителей нерки (при оптимуме 50 и максимально допустимой численности 100 тыс. шт.).

В 1985–1986 гг. и 1993–1994 гг. лов нерки в протоке Азабачьей осуществляли только рыбаки колхоза «Путь Ленина» (с 1993 г. – ООО «Истен Стар Кам»).

С учетом чрезмерно больших пропусков нерки в оз. Азабачье в 1993–1994 гг. в 1995 г. на специальном совещании в Департаменте по рыболовству при Администрации Камчатской области наконец-то приняли решение об отлове в 1995-м и в последующие годы «лишней» рыбы в озере (под совместным контролем сотрудников КамчатНИРО и биостанции «Радуга» ИБМ ДВО РАН).

Такое единство мнений объяснялось тем, что в начале 1993 г. благодаря стараниям нового заведующего лабораторией популяционной биологии ИБМ ДВО РАН д. б. н. М. К. Глубоковского отношения двух станций («Радуга» и КамчатНИРО) все-таки начали изменяться в лучшую сторону.

В стране стала заметно трансформироваться экономическая обстановка, появились новые рыбодобывающие и рыбообрабатывающие предприятия. В специализированном лове нерки оз. Азабачьего стали участвовать новые люди, не работавшие до этого времени в Усть-Камчатском районе, имевшие свежий взгляд на ситуацию.

В 1995 г. специализированный промысел азабачинской нерки начала осуществлять бригада неводчиков ООО «Соболь» из Петропавловска под руководством Геннадия Верхотурова и Анатолия Анатольевича Кондрашова, которые сразу же реализовали новый подход в отлове азабачинской нерки и разработали методику ее добычи в самом оз. Азабачьем.

Дело в том, что в 1985–1994 гг. в устье протоки Азабачьей специально устанавливали «отбойную сеть», которая перегораживала вход в протоку. Рыба концентрировалась перед сетью, что повышало уловы. В отбойной сети, естественно, обьичивалась рыба, и органы рыбоохраны штрафовали рыбаков за это.

Пробовали сделать сеть более мелкочейистой, но на следующий же день ее забивало травой. Сеть всплывала и переставала выполнять свои функции, пропуская рыбу в озеро. Практически с 1985 по 1994 г. камнем преткновения в отлове лишней рыбы в оз. Азабачьем и предметом возмущения общественности и охранных структур являлась злосчастная отбойная сеть.

Существенным моментом было и то, что рыбаки весь период лова в 1985–1994 гг. работали только в устье протоки Азабачьей (в месте ее слияния с р. Камчаткой). Массовое прохождение рыбы через этот рыболовный участок вверх по протоке означал здесь конец лова, что обычно приходилось на 24–26 июня.

Г. Верхотуров и А. А. Кондрашов сразу же отказались от сети. Нет сети – нет проблемы. Они одели бригаду рыбаков в водолазные костюмы без шлемов, и те целыми днями неводили в них в воде по самую шею. Низкорослые клали под ноги по 2–3 мешка с песком: они знали закон Архимеда – нужна точка опоры.

В результате рыба спокойно заходила в протоку, концентрируясь в заливах и устьях многочисленных ручьев. Так незаметно, перебираясь все выше и выше по протоке Азабачьей, «черти Верхотурова» закидным неводом выловили большую часть рыбы, задержавшейся и отстаивающейся в протоке.

В протоке дно илистое, и грязные рыбаки действительно смахивали на веселых чертей. Промысловики вместе с рыбой «мигрировали» вверх по протоке.

Затем бригада после долгих согласований провела обловы в устье самой большой нерестовой р. Бушуйвой, где также получила великолепные результаты.

Все. Технически проблема отлова лишней нерки в бассейне оз. Азабачьего разрешилась. В схеме это выглядело так: облов закидным неводом в устье протоки – облов в протоке – облов в литорали озера у нерестовых протоков.

В 1995 г. специализированный промысел добыл 370 тонн азабачинской нерки, но, тем не менее, в бассейне озера пропустили громадное количество рыб – 690 тыс. шт. Это, по моему мнению, в 10–15 раз превышало оптимальную численность нерки в данном водоеме.

Результаты промысла в 1995 г. могли бы стать значительно лучше, если бы в промысел «успешно» не вмешались сотрудники биостанции «Радуга».

К сожалению (может, не получив инструкций от М. К. Глубоковского, который в это время уже являлся депутатом Государственной думы, а может быть, – по своей инициативе), в период путины сотрудники ИБМ им. А. В. Жирмунского ДВО РАН, приехавшие на станцию «Радуга», начали активно препятствовать проведению лова нерки р. Камчатки традиционными орудиями лова – ставными неводами в Камчатском заливе и плавными сетями в р. Камчатке. Мотивировали тем, что в оз. Азабачье идет мало рыбы и не будет выполнен договор по объемам вылова в протоке Азабачьей. «Пользователи», которые должны сделать денежный вклад в «науку», потерпят материальный ущерб.

Сотрудники станции «Радуга» были готовы сорвать традиционный промысел нерки ставными неводами в Камчатском заливе и плавными сетями в р. Камчатке ради специализированного ее промысла, носящего второстепенный характер.

В администрацию Усть-Камчатского района сотрудники биостанции «Радуга» 19 июня 1995 г. направили письмо, привожу его полностью (документ № 1).

Надо отдать должное администрации Усть-Камчатского района (прежде всего заместителю главы администрации Юрию Борисовичу Ковтуну), что на оперативном совещании 20 июня, где рассматривали рекомендации сотрудников ИБМ о необходимости полного закрытия ставных неводов в Камчатском заливе (по крайней мере до конца июня), выбрали стратегию КамчатНИРО. Позже, в июле, невода и речной лов все же закрыли (оставили один контрольный невод и одну контрольную речную рыбалку).

По окончании путины, в начале декабря 1995 г., мне пришлось писать справку, которую также привожу полностью (документ № 2).

Прискорбно, но факт... Именно из-за непримиримой позиции сотрудников биостанции «Радуга», желающих закрыть в 1995 г. промысел нерки р. Камчатки, и произошло то, что произошло...

В результате невода и речные рыбалки (кроме контрольных) в июле закрыли, и поздняя нерка р. Камчатки, состоящая в большинстве своем из азабачинской, прошла в реку. В бассейн р. Камчатки, по данным авиаучетов сотрудников КамчатНИРО А. Г. Остроумова и А. В. Маслова, прошло 1 419 тыс. шт. производителей (из них 690 тыс. особей зашли в оз. Азабачье).

В дальнейшем, в 1996 и 1997 гг., преимущественно рыбаки ООО «Соболь», добыли 550 и 490 т нерки оз. Азабачье. Результаты лова, без всякого сомнения, могли бы стать еще лучше, если бы вокруг проблемы существовала более доброжелательная атмосфера и не происходило периодических остановок промысла различными органами и проверяющими.

В 2001–2008 гг. специализированный лов нерки в протоке Азабачьей полностью прекратили (в 1998–2000 гг. добывали небольшое количество нерки в р. Камчатке напротив устья протоки Азабачьей).

Вся история событий 1995–1997 гг. с азабачинской неркой рассказана в моих публикациях: в небольшой брошюре «Мир реки» (2000) и статье «Вилы как атрибут отечественной ихтиологии, или печальные открытия о поиске истины», опубликованной в журнале «Северная Пасифика» № 1(11) за 2001 г.

Документ № 1.

*«В рабочую группу Камчатского
координационного рыбохозяйственного Совета
и Администрацию Усть-Камчатского района
от членов Камчатской экспедиции
Института биологии моря ДВО РАН*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

*о ходе научно-производственного эксперимента по регулированию численности
производителей нерки и повышении продуктивности стада нерки озера Азабачье*

В согласованной «Стратегии регуляции численности...» определено, что проблему регуляции численности нельзя решить традиционным промыслом ставными морскими неводами и сплавными сетями в р. Камчатка, т. к. рыбы разных районов (длина которой более 700 км) идут смешанно. На основании разработанной «Стратегии...» договором определены и установлены места специализированного лова нерки озера Азабачье.

Несмотря на эти положения и не считаясь с интересами всех участвующих сторон договора, ответственным за контроль озера Азабачье ведущим научным сотрудником КамчатНИРО д. б. н. В. Ф. Бугаевым (видимо, все же не единолично) был разрешен специализированный лов нерки ставными морскими неводами и сплавными сетями в р. Камчатке на рыбалках непредусмотренным договором о научно-производственном эксперименте. В результате чего (данные на 19.06.95 г.) дополнительно к первоначальному лимиту (1 120 тонн) было выловлено еще порядка 1 200 тонн нерки, которые явно не имеют никакого отношения к традиционному промыслу нерки. Тем более, что эта «свистопляска» с лимитами, которая наблюдается вот уже который год, не имеет отношения ни к традиционному промыслу, ни к регуляции численности нерки.

Тем самым внесена существенная неопределенность в оценку точности предложенных прогнозов (т. к. рыба была отловлена недифференцированно) и возможно нанесение материального ущерба «Пользователям», которые согласно договору должны осуществлять промысел азабачинской нерки в рамках научно-производственного эксперимента, а, следовательно, и «Науке». Кроме того, этими действиями Виктора Федоровича Бугаева нарушены пункты 1.1 и 6 настоящего договора, согласно которым работа по регулированию лова нерки организуется в соответствии

с согласованной «Стратегией», а также изменениям и дополнениям к настоящему договору, действительными в том случае, если оформлены в письменном виде и подписаны всеми участниками.

19 июня 1995 г.

*Заместитель
начальника экспедиции
по науке научн. сотр., к.б.н.*

Подпись В. И. Островский

Научный сотрудник, к.б.н.

Подпись В. А. Паренский

Научный сотрудник, к.б.н.

Подпись Н. А. Семенченко

Начальник НИС «Радуга»

Подпись П. Г. Крайнюк.

*Документ № 2.
«Директору КамчатНИРО
М. М. Селифонову
Начальнику Департамента по рыболовству
при Администрации Камчатской области
М. В. Дементьеву
Начальнику Камчатрыбвода
В. Н. Бурканову
Начальнику Спецморинспекции
Камчатского региона
В. А. Санталову*

СПРАВКА

10 июня 1995 г., на основании результатов первых 10 дней промысла (еще до начала массового хода) нерки р. Камчатки, мною был сделан вывод о необычайно мощном подходе нерки. В результате, в оперативном порядке КамчатНИРО был рекомендован максимально интенсивный промысел нерки всеми орудиями лова.

В результате, было добыто 4 722 тонны нерки традиционным промыслом (ставными неводами в Камчатском заливе и сетями в р. Камчатка + 370 тонн специализированным промыслом нерки в протоке оз. Азабачьего).

В бассейне р. Камчатки по данным авиаучетов КамчатНИРО отнерестилось 1 419 тыс. производителей нерки (из них 690 тыс. производителей в оз. Азабачьем). В настоящее время можно говорить о 10–15-кратном переполнении в бассейне озера, считая с 1957 г.

Если бы нами не были приняты своевременные меры по увеличению общей интенсивности лова всей нерки р. Камчатки (нерка оз. Азабачьего в уловах составляла до 60–70 %) и мы следовали бы логике исследователей ИБМ ДВО РАН, написавших «Докладную записку», то, помимо недолова большого количества рыбы (из-за недостаточно интенсивного лова в протоке), было бы допущено 20–22-кратное превышение оптимальной численности производителей нерки в бассейне озера.

Вед. н. сотр. КамчатНИРО, д.б.н.

Подпись В. Ф. Бугаев.

В свою очередь, о событиях 1995 г. в бассейне оз. Азабачьего писали много позже и во Владивостоке, в журнале «Дальневосточный капитал» (2006. – № 10–74. – окт. – С. 78–79) появилась статья Натальи Эдуардовны Островской «НЛО – неопознанный лососевый объект»:

«...Но бывают годы, когда нерки подходило столько, что ей, бедной, не то что брачный танец станцевать – свить гнездо для икры было решительно негде.

– В 1995-м было пяти-шестикратное переполнение нерестилищ, – вспоминает завлаб Паренский. – Мы, предвидя это, рекомендовали рыбакам выловить 1200 тонн нерки, еще до ее подхода в Азабачье. Но академическая наука на Камчатке никогда не имела решающего слова: было выловлено всего 300–500 тонн. В результате спустя шесть лет (таков жизненный цикл этого вида лосося) – полный крах нерки, пустые речки»...

В газете «Владивосток» (2007. – № 165–3947. – 9 нояб. – С. 16–17) Андрей Островский в статье «Рыба ищет, где лучше, а человек ищет, где рыба» писал:

«Эти и многие другие фундаментальные задачи и пытаются решить в полевых условиях летних экспедиций и зимой – во время анализа собранного материала – ученые из лаборатории популяционной биологии рыб ИБМ. Впрочем, последние из обозначенных вопросов носят скорее прикладной, чем академический характер, что тоже далеко не случайно. Не секрет, что время от времени отраслевая наука, признанная давать объективный и взвешенный прогноз, позволяющий, в свою очередь, регулирующим госорганам определять соответствующие квоты и лимиты на вылов рыбакам, дает сбой. Понятно, что любой прогноз – дело чрезвычайно сложное и всякая ошибка здесь моментально становится видна невооруженным глазом. Но беда в том, что ошибки эти порой оборачиваются гигантскими потерями для рыбной отрасли региона. Здесь-то призвана прийти на помощь наука фундаментальная»...

Не буду комментировать выдержки из статей, но читать данные строки, даже много лет спустя, для меня было крайне неприятно. Получается, что только отраслевая наука дает «сбой», а академическая наука «сбоя» не дает. А ведь историю необходимо помнить и делать из нее выводы.

Следующее существенное увеличение численности азабачинской нерки, вероятно, произойдет в 2010–2012 гг. и, возможно, сохранится еще несколько лет. Ожидаемое увеличение численности в значительной мере будет связано с фертилизацией (удобрением) бассейна оз. Азабачьего пеплом вулкана Шивелуч в 2004 г., когда в районе пункта выпало 15–18 мм розового вулканического пепла. Годов-аналогов по количеству единовременно выпавшего пепла в районе оз. Азабачьего за период с 1956 по 2003 г. нет. Во всех предыдущих случаях слой выпавшего пепла составлял порядка 1,5–5 мм.

Подробно механизм влияния вулканического пепла на рыб, обитающих в оз. Азабачьем, описан в ряде научных статей (Куренков, 1975; Бугаев, 1983, 1995; Базаркина, 2003, 2004; и др.), и поэтому не станем здесь его рассматривать.

Думаю, что с увеличением численности азабачинской нерки новая «рыбная война» двух биологических станций уже не начнется. Мы все стали мудрее.

Из неопубликованных воспоминаний Владимира Тимофеевича Омельченко. «О мотивах организации биологических станций в только что созданном во Владивостоке Институте биологии моря догадаться нетрудно – добрая половина лабораторий в нем была сориентирована на изучение тихоокеанских лососей, и в первую очередь их популяционно-генетической структуры. Руководству стало изначально ясно, что наскоком этой проблемы не решить, потребуются годы работы в условиях, оборудованных для работы и жилья (полевых стационаров).

Еще в 1968 году при предшественнике Института – Отделе биологии моря Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР был "освоен" Сахалин, где основали биостанцию "Сокол".

Отделу придали статус Института 1 января 1970 г., а уже в середине этого месяца меня вызвали к заместителю директора С. М. Коновалову, где я застал своего завлаба Ю. П. Алтухова. Оказалось, что эти, в ту пору безвестные кандидаты наук решали, где на Камчатке ставить стационар. Сошлись на Николаевке, фактическом пригороде правобережной части Усть-Камчатска, именуемом в просторечье деревней. Моя задача сводилась к посещению Николаевки, выбору подходящих для научной базы домов и составлению некоего плана будущей станции.

Получив такую "вводную", авиабилет до Петропавловска и "явки", которыми должен был воспользоваться в случае, если будет "напряг" с гостиницей, я в добром настроении, не отягощенный багажом, покатил во владивостокский аэропорт.

Тут выяснилось, что по причине погоды (точнее непогоды) Камчатка вот уже девять дней закрыта. Но

на мой вопрос при регистрации о времени вылета последовал лаконичный ответ: "Ваш вылет сегодня по расписанию". Видно, не обошлось без Всевышнего – через пять часов я был уже в Елизово.

Устроиться в Питере в гостиницу помог не кто иной, как начальник Камчатского морского пароходства. Так что до отлета в Усть-Камчатск я довольно комфортно прожил в каюте на теплоходе "Николаевск", ошвартованном на зиму у морвокзала.

С небольшими приключениями я все-таки добрался до Усть-Камчатска: до Комсомольской, 149. В ту пору начальником пункта был Николай Серафимович Романов, ихтиолог, выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова. Он очень тепло меня принял и толково объяснил, где эта самая Николаевка – предел моих устремлений. Путеводный знак был прост: "Иди по нартовым следам, они выведут".

Погода утром – лучше и желать нечего: легкий морозец, безветрие, ослепительно белый снег, все вулканы как на ладони. Нартовый след отыскался, и я довольно скоро добрался до поселка. Как оказалось, поселок брошен и получить какую-либо информацию просто не у кого. Сугубо самостоятельная рекогносцировка местности осложнялась по причине большого снега, некоторые дома завалены по печную трубу, а русло реки едва угадывалось.

Налазившись по сугробам, я все же нарисовал в полевом дневнике примерный план части поселка, пометив несколько домов вблизи реки как потенциально пригодных для обживания. С легким сердцем я вернулся на Комсомольскую, где кроме Николая застал второго сотрудника пункта – Анатолия Крикливого.

Мы быстро подружились, он оказался совершенно обаятельным человеком с полным несоответствием натуры и фамилии. До вылета в Петропавловск я несколько дней прожил на пункте, периодически, с молчаливого согласия коллег, заходя в близлежащий "продуктовый", где всегда БЫЛО.

В первый же по возвращении во Владивосток день, вооружившись выстрадавшим планом и финансовым отчетом, я предстал перед командировавшим меня начальством. Но едва я раскрыл для доклада рот, надеясь поразить руководство тщательностью проведенной "операции", как Станислав Максимович Коновалов сказал: "Давай подпишу авансовый, а про остальное не надо. Мы тут с Алтуховым, пока ты терпел лишения, решили ставить базу не в Николаевке, а на протоке Азабачьей, там целесообразнее. А что на Камчатку слетал, долго помнить будешь". Максимыч оказался прав. Так начиналась "Радуга".

Весной этого же, 1970-го, приступили к организации первого крупного сафари на загадочную для большинства протоку. Сформировали два полевых отряда – один составили ихтиологи Коновалова, другой – генетики Алтухова. Загрузились "профильным" оборудованием и под звуки "Прощания славянки" на "Советском Союзе" (в ту пору пассажирском флагмане Дальневосточного морского пароходства) взяли курс на Камчатку.

Через четыре с половиной дня прибыли в Петропавловск. Перегружаемся со своим научным скарбом на одноименный теплоход, курсирующий по восточному побережью полуострова, и через сутки оказываемся на рейде Усть-Камчатска.

Стоим в ожидании разгрузки, стараясь сквозь бесконечно морозящий дождь разглядеть землю обетованную. Холод и сырость не греют ни тело, ни душу. Наконец сходим на баржу и вместе с разгруженным сюда же оборудованием отваливаем от судна. Преодолев "бар", входим в реку и швартуемся к пирсу лесоперевалочной базы.

В ожидании катера, который потащит нас вместе с грузом к выбранному начальством месту работы, осматриваемся. В памяти всплывает величественный зимний пейзаж, но под воздействием реальности быстро исчезает. Всплывает другое ощущение: "Ну и в дыру мы угодили".

К вечеру выясняется, что катер будет завтра, поскольку форватер р. Камчатки не оборудован световыми бакенами и это делает плавание в темное время суток проблематичным. С надеждой на завтра берем свои "научные" спальники и перебираемся под гостеприимную крышу тинровского пункта. После посещения ближнего продмага и соответствующего расслабления потом мы уже не столь пессимистично оценивали обстановку, в которой оказались по воле нашего руководства.

На следующий день пополудни переходим на другую баржу, как оказалось, груженую заранее купленными стройматериалами для существующей пока только в мечтах биостанции, и – вверх по р. Камчатке.

Через несколько часов без особых приключений входим в протоку и швартуемся к двум растущим на берегу кустам. При взгляде на берег становится ясно, что наш городской "прикид" уместно спрятать до лучших времен. Что мы и делаем, надевая болотники и желтые рыбацкие куртки. После небольших "посиделок" с аборигенами (ранее приехавшими нашими коллегами) начинаем разгрузку, которую заканчиваем уже по густым сумеркам. Следующим утром заложили первый дом».

Из неопубликованных воспоминаний Елены Александровны Салменковой. «История популяционно-генетических исследований на биостанции "Радуга" на оз. Азабачьем началась в 1971 г. благодаря тому, что научные интересы двух молодых ученых нового Института биологии моря ДВНЦ АН СССР кандидатов наук – Станислава Максимовича Коновалова (заведующего лабораторией популяционной биологии) и Юрия Петровича Алтухова (заведующего лабораторией генетики) оказались очень близкими.

В итоге совместных обсуждений проблем популяционной биологии, которая в то время стала бурно развиваться, возник план совместной работы. Согласно ему экспедиционные исследования популяционной биологии нерки, уже начатые годом раньше на оз. Азабачьем, теперь должны были включить и генетический раздел.

Станислав Максимович был увлечен общей теорией систем и ее приложением к популяционной биологии, а Юрий Петрович, совместно с Ю. Г. Рычковым, недавно опубликовал статью с обоснованием системного принципа организации популяций (Алтухов, Рычков, 1970). В азабачинском изоляте (*популяции, локальном стаде.* – В. Б.) нерки они видели яркий пример популяционной системы, поскольку, по мнению Коновалова (Коновалов, 1981), среди камчатских популяций изолят нерки оз. Азабачьего имеет наиболее сложную структуру, включающую весеннюю и летнюю расы, большое число экологически различных нерестилищ, приуроченных к чашам, ручьям (рекам) и прибрежной зоне внутри озера.

Из работ Хартмана и Рэли (Hartman, Raleigh, 1964), проведенных с помощью мечения на нерке двух канадских озер, уже было известно о высокой степени изоляции половозрелой нерки отдельных нерестилищ (превышающей 90 %) в пределах одного озера. Фактически изолят являл собой целый "микромир", а значит, был интересным и перспективным объектом для всесторонних популяционных исследований.

Как раз в эти годы стали активно разрабатываться электрофоретические методы разделения наследственных вариантов белков, в основном ферментной природы, позволявшие изучать изменчивость (полиморфизм) кодирующих их генов. Это означало, что появилась возможность генетически характеризовать популяцию и ее структурные компоненты, определяя в выборках из них генотипический состав, частоты аллелей полиморфных генов и выявляя генетическую дифференциацию между компонентами популяционной структуры. Мы воспользовались этими методами для изучения популяционно-генетической структуры изолята нерки оз. Азабачьего.

Итак, в соответствии с разработанным руководством планом было начато параллельное исследование основных биологических и популяционно-генетических характеристик нерки, размножающейся на многочисленных нерестилищах озера, названных субизолятами или субпопуляциями. В собранных на нерестилищах выборках нерки проводили измерения длины и массы тела, определение возраста по чешуе и ряда других параметров, для генетического анализа от каждой рыбы брали образцы крови и скелетных мышц.

На самих нерестилищах подсчитывали количество производителей и соотношение полов и на этом основании определяли эффективную численность субпопуляций. Именно от эффективной численности зависит динамика генетических процессов в популяциях и оценка эффективной численности.

Это тот параметр, который необходим для анализа получаемых генетических данных и выяснения механизмов, поддерживающих генетическую структуру изолята. В образцах крови и мышц с помощью электрофоретического анализа определяли генотипы каждой рыбы по полиморфным (содержавшим каждый по два аллеля) генетическим локусам, кодирующим ферменты лактатдегидрогеназу и фосфоглюкомутазу.

Оба фермента занимают ключевые позиции в процессах метаболизма (в гликолизе), поэтому можно было ожидать, что полиморфизм в этих локусах окажется адаптивно значимым. Таким образом, в выборках нерки с каждого субизолята были определены частоты аллелей названных выше двух локусов, обозначенных согласно правилам номенклатуры для рыб (Shaklee et al., 1990) как *LDH-B2** и *PGM-2**.

Как уже говорилось, для нерки оз. Азабачьего характерно наличие ранней (весенней) и поздней (летней) рас; ранняя нерка размножается в впадающих в озеро ручьях или речках и в образуемых выходами грунтовых вод чашах, а поздняя нерка – на участках литорали самого озера. В озере насчитывается примерно 30 таких нерестилищ.

За ряд полевых сезонов в период 1971–1984 гг. были собраны биологические и генетические характеристики более 10 000 рыб почти из всех субпопуляций, разделенных пространством и временем. Прежде всего выяснилось, что несмотря на ярко выраженные различия частот генов между субпопуляциями для

стада в целом на протяжении практически всех сезонов наблюдается устойчивость средних значений частот аллелей и их дисперсий по локусам *LDH-B2** и *PGM-2**, то есть генетическая структура стада остается стабильной в поколениях (Алтухов, 1989).

В то же время повторяющиеся из года в год различия между локусами в дисперсиях аллельных частот указывали на различия в механизмах поддержания изменчивости этих локусов у нерки. Для анализа вклада таких микроэволюционных факторов, как дрейф генов, миграция и отбор, мы использовали метод сопоставления наблюдаемых по субпопуляциям распределений аллельных частот с теоретическими распределениями, описываемыми стационарными функциями С. Райта (подробное обоснование этого подхода дано в книгах Ю. П. Алтухова (1974, 1989).

Для такого анализа была использована полученная для азабачинских субпопуляций оценка эффективной репродуктивной величины, равная 200 особям, а необходимая в этом анализе величина межсубпопуляционной миграции оценивалась в 2–3 % на основе данных Хартмана и Рэли (1964).

Выполненные нами расчеты показали, что полиморфизм в локусе *LDH-B2** поддерживается в стаде нерки с помощью дрейфа и миграции генов, тогда как полиморфизм в локусе *PGM-2** поддерживается не только этими факторами, но и отбором в пользу гетерозигот (Алтухов и др., 1975a,b). Было также найдено, что высокая дисперсия аллельных частот локуса *LDH-B2** связана с существенными различиями между расами. По локусу *PGM-2**, где дисперсия аллельных частот намного ниже, различий между сезонными расами не наблюдается.

Анализ аллельных частот и их дисперсий отдельно в субизолятах чаш, ручьев и литорали озера показал, что на чашах и ручьях отбор по локусу *PGM-2** выражен сильнее, чем на озерных нерестилищах, причем на чашах наблюдается проявление отбора и по локусу *LDH-B2** (Рябова и др., 1978; Алтухов, 1989). Какие же характеристики среды могут быть факторами такого отбора? Специальное исследование связи частот аллелей с такими параметрами, как содержание кислорода, pH и температура среды в нерестовых гнездах нерки на различных нерестилищах, выявило корреляции только с температурой (Новосельская и др., 1982; Алтухов и др., 1983), которая, очевидно, играет определенную селективную роль.

Дальнейшее исследование было направлено на выяснение связей полиморфизма рассматриваемых локусов *LDH-B2** и *PGM-2** с размерно-половой структурой. У нерки, как правило, наблюдается половой диморфизм по длине тела: для самок обычно характерна унимодальность, а для самцов – бимодальность, т. е. имеется группа мелких быстрорастущих и раносозревающих самцов и группа крупных созревающих в более старшем возрасте самцов. Было проведено сравнение уровней гетерозиготности, или генного разнообразия по указанным локусам в группах самок, мелких и крупных самцов. Работа проводилась на нерке не только Азабачьего, но и Начикинского, Ближнего и Дальнего озер.

Выяснилось, что группы самок, мелких и крупных самцов различаются по уровню гетерозиготности: у мелких самцов гетерозиготность максимальна, у крупных самцов – минимальна, а самкам свойствен средний уровень гетерозиготности (Алтухов, 1989; Алтухов, Варнавская, 1983). Авторы заключили, что самцы и самки представляют собой две адаптивные системы с максимальной дисперсией приспособленности у самцов.

Особенно интересным оказался тот факт, что высокая гетерозиготность мелких самцов сопряжена со свойственным им ускоренным темпом роста в первые годы жизни и ранним половым созреванием (эти присущие мелким самцам свойства были описаны Ф. В. Крогиус (1960, 1975).

Иными словами, была выявлена ясная связь между повышенным уровнем гетерозиготности рыб по двум ферментным локусам и морфофункциональными признаками, отражающими гетерозис по скорости роста и полового созревания. Особенно высока гетерозиготность у раносозревающих карликов – мелких самцов нерки, не мигрирующих в море (Кирпичников, 1979; Кирпичников, Муске, 1981).

Таким образом, детальное изучение генетической структуры всего лишь по двум ферментным генам (надо сказать, что для нерки вообще характерно малое число полиморфных ферментных генов) показало, что генетический полиморфизм может быть непосредственно связан с биологической структурой изолята.

Разная степень полиморфизма, т. е. различные величины аллельных частот и гетерозиготности характеризуют 1) раннюю и позднюю расы, 2) субизоляты в пределах рас, приуроченные к разным типам нерестилищ (чашам, ручьям и литорали озера), 3) основные группы размерно-половой структуры (самки, мелкие и крупные самцы).

Связь генетической изменчивости с биологической структурой изолята нерки оз. Азабачьего определяется не только случайными процессами дрейфа и миграции генов, но и отбором, особенно заметно проявляющимся на чашах, т. е. полиморфизм этих генов имеет адаптивное значение.

Можно предполагать, что эти гены маркируют адаптивную генетическую систему нерки и ее связь с внутривидовой дифференциацией по таким важным полигенным признакам, как пол, возраст, скорость созревания и роста (Алтухов, 1989). Более того, селективный промысел, направленный на вылов крупных рыб, главным образом самцов, изменяет таким путем биологическую структуру стада и через нее воздействует и на его генетическую структуру.

Происходящие при этом изменения в генетической структуре, такие, как увеличение общего уровня гетерозиготности за счет увеличения среди оставшихся рыб доли мелких самцов, до определенного уровня являются обратимыми именно благодаря повышенному генетическому разнообразию (Алтухов, 1989, 2003).

Материалы этих и сопутствующих исследований вошли в несколько докторских (в частности, диссертации С. М. Коновалова и Ю. П. Алтухова) и кандидатских диссертаций (В. Т. Омельченко, В. П. Бушуева, А. Ю. Новосельской, Л. И. Ильиной и др.)

Из сопутствующих основной работе исследований стоит упомянуть исследования по гольцам – белому гольцу *Salvelinus albus* и мальме *S. malma*. Белый голец был описан из нижнего течения р. Камчатки (из Азабачинской протоки) и позднее из бассейна Кроноцкого озера (Глубоковский, 1977, 1995). Нами и нашими коллегами для доказательства валидности "новичка" использован целый арсенал независимых методов. В частности, анализ полиморфизма аллозимных локусов, изменчивость митохондриального генома и микросателлитных локусов ДНК, был проведен также кариологический анализ (Ефремов, 1991; Олейник, Полякова, 1992, 1994; Osinov, 1999; Salmenkova et al., 2000; Фролов, 2000; Черешнев и др., 2002). Ни в одном случае не получено подтверждения видовой самостоятельности белого гольца по отношению к симпатрично существующей с ним мальме.

Что вспоминается о нашей жизни на Азабачьем озере в те годы? В первом полевом сезоне особые волнения и трения возникали из-за отсутствия постоянного электроснабжения. Если у наших коллег-ихтиологов отсутствие света не влияло на рабочий процесс (померить и подсчитать необходимые параметры рыб при затаившемся анализе можно было и при свечах), то без электричества об электрофорезе белков или о постоянной работе холодильников говорить не приходится.

Один из наших коллег вспоминает: "Наша первая электростанция – это совершенно особая история – знаменитый десятикиловаттный дизель-генератор с тлеющими запальными фитилями и с разработанной нами системой охлаждения, которая состояла из доброго десятка соединенных между собой бочек. После такой модернизации этот энергогенерирующий мастодонт вполне был достоин Книги рекордов Гиннеса".

Однако несмотря на организационные сложности, связанные с завозом строительных материалов, постоянными поломками электростанции, мы успели создать к началу нереста нерки относительно комфортные условия для популяционно-генетических работ.

"Комфортные условия" были действительно очень относительными – наша первая лаборатория располагалась в старом деревянном доме. Рассохшиеся бревенчатые стены позволяли без особого напряжения общаться с находившимися снаружи, не выходя из помещения. Но если это обстоятельство еще можно было отнести к разряду удобных, то комары, в изобилии проникавшие в дом сквозь щели, просто отравляли существование. Спасительное средство – тлеющий пиретрум. Наверное, в тихую погоду из-за пиретрумового дыма, выходящего из тех же щелей, лаборатория могла смахивать на действующую коптильню.

Приходилось приспосабливаться к полевым условиям, отсутствию водопровода и постоянного электричества. Самодельные деревянные холодильники, погреб со льдом помогали сохранять реактивы, растворы, собранные на нерестилищах образцы. Обычно привезенные образцы крови и мышц сразу начинали готовить к анализу и проводили электрофорез. Поскольку активность ферментов при хранении образца без замораживания быстро падает, именно анализ свежего материала обеспечивал качественный результат. Словом, хоть и не шикарно, но вполне можно было работать.

Во втором полевом сезоне появилась новая электростанция, проблем с которой почти не было. Силами самих сотрудников были построены дом для лаборатории генетики, большая лаборатория популяционной биологии и общежитие (с каминным залом!!!) для ее сотрудников. В лаборатории генетики теперь было все необходимое для дальнейшей работы, она стала не только удобной, но и уютной.

Генетический раздел полевых исследований в первые годы выполняли Ю. П. Алтухов – в качестве руководителя работ (после перехода в ИОГен он руководил работами нескольких аспирантов и соискателей, связанных с азабачинской неркой), Е. А. Салменкова, Л. Г. Волохонская, В. Т. Омельченко, А. И. Пудовкин, Н. А. Еранова, Н. И. Лаптинова. Очень большую роль в организации работы сыграли В. П. Бушуев, оказавшийся компетентным не только в научных вопросах, но и в строительстве, ремонте лодочных моторов и электростанции, а также Б. М. Рябов. В последующий период в работе участвовали Г. Д. Рябова, А. Ю. Новосельская, Л. И. Ильина, Л. А. Крайнюк и др.».

Создание наблюдательных пунктов системы ТИНРО на Дальнем Востоке предполагало и предполагает ежегодный мониторинг за биологическими показателями рыб, гидрологическим и трофическим состоянием контролируемых водоемов с использованием полученных результатов преимущественно в прогностической деятельности институтов.

Привлечение крупных, известных специалистов на полевые работы на эти пункты не являлось основной целью их деятельности, хотя здесь всегда принимали всех, кто желал приехать сюда поработать.

Поэтому на Азабачинский пункт КоТИНРО чаще всего выезжало небольшое число специалистов, осуществлявших мониторинг разрабатываемых научных тем.

В 1970-х гг. на этом пункте постоянно проживали обязательно 1–2 научных сотрудника и 1–2 человека технического персонала, в летний период приезжали еще несколько человек, преимущественно научных сотрудников и студентов-практикантов.

В первые годы образования пункта работать на него приезжало больше народа, в последующие годы – несколько меньше и, наконец, оно стабилизировалось на уровне числа научных тематик института. И дело не в том, что на нем разрабатываются уже все возможные для изучения вопросы, их еще много. Но необходимы специалисты, желающие работать и умеющие обосновать расширение тематики исследований пункта.

В конце 1980-х гг. непереносимое круглогодичное нахождение на пунктах КоТИНРО научных сотрудников стало необязательным. Сразу же число постоянно проживающих на них людей сократилось в среднем вдвое. Остальные стали приезжать только летом. Такая схема и численность постоянного (и временного) контингентов пунктов КоТИНРО (КамчатНИРО) сохранилась до наших дней.

Цель организации биостанций Академии наук СССР другая: создать достаточно приемлемые условия для специалистов и известных ученых, которые, работая в полевых условиях, обогатят науку своими открытиями, вырастят и подготовят новые научные кадры. В случае необходимости, и если найдутся желающие, на таких станциях предполагали и круглогодичный ежегодный мониторинг. Кроме того, на этих стационарах проходили практику студенты университетов и вузов.

На академических стационарах круглогодично проживало значительно больше людей, чем на пунктах отраслевых институтов. Там были начальник биостанции, моторист, повар, завхоз и др. В летнее время контингент академических баз возрастал до нескольких десятков человек и более... Естественно, финансирование академических полевых стационаров находилось на один-два порядка выше, чем наблюдательных пунктов отраслевых институтов.

С началом новой экономической политики в нашей стране, с января 1992 г., резко изменилось (ухудшилось) финансирование научных исследований. Естественно, это привело к «обрушению» сложившихся условий жизни и объемов научных исследований на академических стационарах по сравнению с предыдущим периодом. Что касается пунктов Министерства рыбного хозяйства, то им падать было некуда – они и так находились на грани выживания.

В жизни, как и в любом театре, действие идет по схеме: экспозиция, завязка, кульминация, развязка. Но одна тема не может эксплуатироваться вечно, необходимо расширение репертуара.

По моему мнению, «угасание» станции «Радуга» началось уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг., что было связано с потерей интереса у ряда молодых и зрелых исследователей к ней: все многолетние исследования проводили практически на одном виде (нерке) и в одном месте.

Мониторинг, если нет ярких, закономерных и явно объясняемых межгодовых изменений, со временем

становится неинтересным. Назревала необходимо расширения исследований на весь бассейн р. Камчатки и на все виды рыб этой реки.

Может быть, это и произошло бы, но в 1992 г. наша страна вошла в новую экономическую политику. Финансирование исследований практически свели на нет, и начался многолетний период стагнации академической науки...

Отраслевой науке, к которой относились институты системы ТИНРО, повезло больше по сравнению академическими институтами. Она всегда находилась «на дне», и с началом новых экономических отношений она не остановилась, а «поползла» дальше, иногда пытаясь (и сейчас пытается) «подпрыгивать». Но взлета и полета не получается – экономические вложения в нее явно недостаточны, что не позволяет наладить адекватные проблемам объемы исследований.

В целом, как для академических, так и для отраслевых наук, недофинансирование не привлекает в необходимой мере в эту сферу деятельности талантливую молодежь. Старые кадры в массе приближаются к рубежу биологической продолжительности жизни человека...

Еще десять-пятнадцать лет, и те, кто придет на освободившиеся в результате «временного отбора» места, будут учиться проводить исследования только по статьям и отчетам. Живых свидетелей пенсионного возраста, способных еще работать, практически не останется.

С другой стороны, настанет незабываемая пора для молодых исследователей. Они сами начнут познавать мир, открывать новые законы и истины, состязаться в логике между собой. Государство и другие инвесторы станут все это финансировать. Спустя время некоторые из «новой волны» смогут увидеть и оценить, что многое из того нового, открытого ими, – это хорошо забытое старое. Но время будет упущено. Только преемственность поколений может не допустить такого неблагоприятного финала.

Надо учесть, что все городские ребята, приезжая из Владивостока на Камчатку, в бассейне оз. Азабачье начинали в режиме «сафари», как такие экспедиции окрестил В. Т. Омельченко.

Почти все были молоды. Романтика дальнего путешествия кружила голову, а принадлежность к академическому клану сулила большие перспективы в научной деятельности: ими руководили еще достаточно молодые, но уже известные и маститые ученые. Казалось, пройдет несколько лет, и каждый из них (сегодня молодых) получит свою первую ученую степень и т. д., пошло-поехало... Все было ново, жутко интересно и многообещающе здорово.

Молодежь сочиняла песни и писала стихи, пила экспедиционный спирт и блевала, занималась археологическими раскопками, влюблялась и расставалась, собирала ягоды и дикоросы, охотилась (в научных целях) на медведей и уток, ловила рыбу – жарила-парила, солила и коптила. В общем, есть что вспомнить. Кстати, все это образно представлено в научно-студенческом фольклоре, представленном ниже.

Экспедиционная жизнь происходила на фоне оживленных разъездов на отечественных лодках типа «Прогресс» (под отечественными же моторами «Вихрь-20» – «Вихрь-30»). А сколько умения надо было иметь, чтобы научиться чинить эти самые моторы. А какая гордость наступала у того, кто сам перебрал мотор, и тот «завелся» с пол-оборота.

Например, я всегда гордился, что мы с Анатолием Ходько в 1976 г. «коленвал» от «Вихря-20» засунули в «Вихрь-25»; сквозную дырку в головке цилиндров заклеили заплаткой из эпоксидки (с алюминиевыми опилками), и на этом «гибриде» я смог со студентом из Ростова проехать 500 км вверх по р. Камчатке, пока мотор окончательно не развалился. Но ведь проехали!!!

Не иронизирую по поводу ребят с «Радуги», т. к. тоже прошел через «сафари» КоТИНРО, но оно у меня выдалось более скромным. Жизнь на Азабачинском пункте протекала не так весело, как на биостанции. С одной стороны, это объясняется отсутствием большого коллектива, а с другой, вероятно, моей склонностью к напряженной работе, в которой я полностью реализовывал себя.

«Хохмить» можно в коллективе, а в одиночку это не получается. Если хохмить не с кем, то надо работать или переводить английские научные статьи на русский. И так каждый день. А как свидетельствуют неписанные законы жизни, трех часов ежедневной работы хватает для того, чтобы сделать всю работу.

Валера и Лида Базаркины, особенно первые несколько лет своей деятельности на Азабачинском пункте, на «Радугу» ездили часто; я – довольно редко (чаще проезжал мимо, махая в приветствии рукой). Потом, с 1982 г., обо мне пошла устойчивая молва, как о «нехорошем человеке», и я, естественно, стал заезжать на станцию только в случае крайней необходимости. Иногда видел, что ребята работают на берегу озера, подъезжал к ним, пил с ними чай, но когда начинал чувствовать, что мешаю им, – ехал дальше.

Единственный человек с биостанции «Радуга», с которым у меня никогда не существовало натянутых отношений, это Валера Паренский. Может быть, оттого, что он занимался поведением рыб и хорошо знал «законы совместного плавания», мы с ним ни разу не конфликтовали.

С Валерой познакомился в 1976 г., когда он с Мишей Ковалевым, после 2-го курса биофака Дальневосточного ГУ, первый раз приехал на практику на Камчатку из Владивостока. Знакомство произошло в домике КоТИНРО на ул. Комсомольской, № 149, на вечеринке по случаю прибытия (убытия) кого-то из студентов или научных сотрудников. Такие «праздники жизни» по этому адресу проходили не реже одного раза в три дня – повод всегда имелся, а все были молоды и счастливы.

Тогда мне запомнилось, как Валера играл на гитаре, и особенно в его исполнении мне нравилась песня «Аэропорт»: «Лечу за борт, лечу за борт – любви своей, любви своей...». Для большинства из присутствующих эта тема являлась очень актуальной и трогала за живое: их во Владивостоке ждали любимые девушки, а они тут, на Камчатке, в самой... Усть-Камчатске...

Неплохие отношения у меня сложились с Сергеем Золотухиным и Мишей Ковалевым. С последним они значительно улучшились, когда я понял, что он действительно пытается разобраться в росте молоди нерки в бассейне оз. Азабачьего. Был предмет для обсуждения. Володя Островский – тот вообще отмахивался от изучения молоди.

Хочу привести несколько образцов наивного «радужного» фольклора (некоторые «кровожадные сцены» сильно преувеличены), который лучше всего раскрывает атмосферу «сафари», царившую многие годы в нижнем течении протоки Азабачьей на биостанции «Радуга». Но что было, то было...

**СБОРНИК ПЕСЕН,
НАПИСАННЫХ СОТРУДНИКАМИ БИОСТАНЦИИ «РАДУГА» (КАМЧАТКА),
ОБ ИХ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ВО ВРЕМЯ ЭКСПЕДИЦИЙ 1975–1982 гг.
(Институт биологии моря, Владивосток, 1983)**

ВОСПОМИНАНИЯ
О ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ

Снова снится, братцы, мне Камчатка –
Вот они, родные огоньки.
Под «Вихрём» в «Прогрессе» буду мчаться
И на нерку вешать номерки.
Прокачусь до речки Рыбоводной,
Где когда-то валом шел лосось,
Помолюсь Христу и маме родной,
Чтобы на анализ набралось.

А в домах запахнет скоро дичью,
А на кухне рубят медведя.
Снова ждем, чего еще Филиппыч
Отдохмит немного погода.
Выпьем с ним за чудную погоду,
Чтоб мотор с похмелья не затих.
Знаем мы, что он буханку водки
Нам разделит точно на троих.

Мы повсюду возим наши песни,
Чтоб жилось в дороге веселей.
С нашей песней вдвое интересней
Потрошить в анализ лососей.
И гитары снова заиграли,
У камина собирая нас.
«Мне не Тани снятся и не Гали», –
Напеваю я в который раз.

Мы за нашу дружбу выпьем стоя,
Нас сдружила здешняя вода,
Нам камчатской «Радуги» устои
Не забыть, пожалуй, никогда.
Для камчатской фирменной окрошки
Нам годится лишь камчатский квас.
Так теснее сдвинем наши плоски,
Чтоб шустрой «Вихри» возили нас.

Есть у нас еще один «Каэсик»,
Но на нем не ходят без причин,
Да и мне в нем мало интереса –
Пусть его ломает Саша Чин.
«Голубой» заводят очень редко,
Потому что мало запчастей,
Раз в сезон, как старая кокетка,
Возит он значительных людей.

Если вы на «красном» захотите
Съездить на протоку пострелять,
Скажут вам: «Вот, "мыльницу" возьмите!»
А «Прогресс» заставят заправлять.
Если захотите прокатиться
На «зеленой» птице с ветерком,
Не забудьте к Мише обратиться –
Он пошлет подальше Вас пешком.

А «Бубука» ездил прекрасно
И никто не мог ее сломать,
И тогда, признав огнеопасной,
По борту залили отмокать.
Есть шикарный катер у студентов,
Правда, его «мыльницей» зовут
Мы довольны им на сто процентов
И уже поставили «Салют».

Мы машины очень уважаем,
Привезли на станцию «Буран».
Не грусти, что рано уезжаем,
Все равно ломать его не нам.
А еще, ребята, очень скоро
«Костромич» должны мы получить.

Саше Чину – ценз, оклад и гонор,
А студентам – драить и скоблить.

И вообще, прошу, поверьте, люди,
Здесь у нас пословица гласит:
«Если генералы ездить будут,
То студентам – саночки возить».
Такова вот песенка скитальцев.
Пой навзрыд и напивайся вдрызг.
А на память – грязи на три пальца,
Дождь, туман и комариный писк.
декабрь 1975 г. С. Золотухин

ДО СВИДАНИЯ

До свиданья, друзья, до свиданья!
Может, песню споем на прощанье?
Про веселый оконченный год
И о ветре, что в даль нас зовет.

Припев: Но в любом краю,
На любом конце Земли
Ты адрес друга не забудь
И пару строчек напиши.

Раскидает нас летом судьба –
Кто на месяц в полях, кто на два.
Вы – у моря, где пенистый вал,
Я – в тайге становлюсь на привал.

Припев:

А когда получаешь письмо
Или даже простую записку,
И хоть Вы далеко-далеко,
Все равно относительно близко.

Припев: И в любом краю,
На любом конце Земли
Ты адрес друга не забудь
И пару строчек напиши,
Ты напиши...

весна 1977 г.

В. Паренский

В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ «БУМУ»

Один и тот же сон мне повторяться стал:
Я каменный топор из осыпи достал,

Стою, балдею, я – типичный неолит,
Шлифованы края, в ладони – словно влит.

И сколько лет назад тесал обсидиан,
Прикрывши шкурой зад, мохнатый старикан,
И сколько черепов прошибло острие,
И, наконец, теперь – оружие мое!

Ликую, мужики! Поет моя душа!
Я, кроме топора, не вижу ни шиша.
Он белый солнца свет собою заслонил,
Держу в руках предмет, что НОМО сотворил.

И если бы дарил мне Влад империял,
Да я б на то забил, да я б на то плевал.
И хоть оно не медь, да что с того людям,
С той денежки иметь – два раза в ресторан.

Откуда ж было знать – пока я там заснул,
Тогда Островский наш булыжник шлифанул.
Его подбросил он для наших москвичей,
Но мне ведь не резон: топорик стал ничей.

И как же теперь быть, и что же делать мне?
Ему на раз оббить хоть дюжину камней.
И если неолит покажут мне сейчас,
Островский, паразит, набью тебе я глаз.

июль 1978 г.

С. Золотухин

РАДУГА-ДУГА

Резким звоном расплескалась ночь
И, синяя сквозь тумана облако,
Утро разбудило терпким светом.
Я встаю, патроны собираю
И, закинув за плечи ружье,
Выхожу, вдыхая полной грудью воздух.
Гулом откликаются шаги на сердца стук
И тиканье часов,
Весла разрывают тишину
Плеском пробудившейся волны
И вода журчит под днищем лодки.
Где-то недалеко крикнут утки
И кричит встревоженный бекас.

Вдаль бежит река – талая вода...
Звенит река от света звезд,
Горчит вода от вешних слез,
От самых-самых синих гор река бежит.
После ливня хмурая река,
Низко облака, словно берега,

А над нами радуга-дуга,
Радуга-дуга,
Радуга-дуга.

Я вспоминаю полевой сезон,
Три месяца работы и свободы –
Они прошли, оставив яркий след в моей душе
Из гаммы звуков, красок и природы –
Свободы от дымящихся городов,
Оковами цепляющихся криков...
Стою один над девственной землей и, кажется, готов
Взлететь к высоким облакам
И летать за караваном птичьим...
И эти девяносто дней
Я вспоминаю, как одно мгновенье,
И памятью живу, и воздухом дышу
Один с камчатскими горами.

Это лучше снов, и не надо слов –
Ведь рядом с нами синь небес,
Стекло воды и синий лес
От самых-самых синих гор и до реки.
Нас пленили сопки, берега,
Хмурая тайга, вечные снега
И над ними радуга-дуга,
Радуга-дуга,
Радуга-дуга.

лето 1978 г.

В. Паренский

ОПАДАЕТ ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ

Опадает желтый лист с берез,
По утрам преследует мороз,
Птицы собираются на юг
И, конечно, дома уже ждут.

Скоро, скоро бражку заведем,
Дружно отходную отпоем,
А потом поедем в Усть-Камчатск
Деньги полевые пропить.

А когда домой мы прилетим,
То к друзьям по полю забежим
Вспомнить про хорошее житье,
Где Азабач, комарье, питье.

А весной захочется опять
Съездить на протоку пострелять,
Перечистить сотню черепов
И поесть ушицу из утёв.

Опадает желтый лист с берез,
По утрам преследует мороз.
Легче нам о доме забывать,
Ведь на кухне есть всегда пожрать.
лето 1978 г. В. Чистяков

К ЮБИЛЕЮ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЛАБОРАТОРИИ.
ОТКРЫТИЕ ОХОТЫ

Поднимем тост за полевой сезон!
Десятый год мы выезжаем дружно
Не для того, чтоб далеко от жен,
А потому, что расчехляем ружья.

Моя мечта – ружье. Второй калибр.
Я ночью сплю и штуку эту вижу
Не потому, что это мой загиб,
А потому, что это вещь престижа.

В патрон вместится пороха стакан,
А дробь – сыпать полную чекушку
Не для того, чтоб напрочь потроха,
А потому, что проще брать на мушку.

Отдел охоты с детства мне знаком,
Меня район тот манит даже ночью
Не потому, что рядом гастроном,
А потому, что подрастут чирочки.

Я три рубля с зарплаты утаил,
А вот с аванса отложу все восемь
Не для того, чтоб их потом пропил,
А потому, что наступает осень.

И лишь контейнер в путь мы соберем,
Я забуриться с ним готов в пампасы
Не потому, что бочку в нем везем,
А потому, что там боеприпасы.

Я по тундре шагаю тяжело,
В руках ружье десятого калибра
Не для того, чтоб все вокруг цвело,
А для того, чтоб все кругом погибло.

Картечь в патронах. Бедные чирки!
Но я, признаться, не могу иначе,
Ведь не за тем, чтоб сразу на куски,
А для того, чтоб лучше азабачить.

Я выношу три корпуса вперед
И превращаю уток в килограммы

Не для того, чтобы набить живот,
А чтоб генетикам на фореграммы.

И вот итог. Он на столе горой,
Мне наполняют чем-то мокрым кружку
Не для того, чтоб с другом по одной,
А чтоб со всеми и на всю катушку.

Стаканы сдвинем мы в который раз
И спирт запьем камчатской водицей,
Чтоб утка в тундре не перевелась,
Чтоб рыбе в речке не переводиться.

1 сентября 1979 г. С. Золотухин

ОСЕНЬ

Посмотрите вокруг,
И Вы увидите, как прекрасен мир –
Он полон откровений и неразгаданных тайн.
Если Вы не слышали,
 как блестит роса на утренних цветах,
Если Вы не знаете,
 как пахнет морской воздух на восходе солнца –
Вы ничего не видели.
Не бойтесь разгадать разгаданное,
Не бойтесь открывать уже открытое другими...
Это поможет Вам полнее понять
 красоту природы и человеческих чувств.
«Нет, нам не страшно, нам не больно,
Хотя в преддверии зимы
Мы обнажаемся невольно,
Осенним солнцем сожжены.
Пройдет зима, любовь воскреснет
И будет памятью тебе...
Мы возрождаемся из пепла
И жизнь даем другой судьбе».

сентябрь 1979 г.

сл. и муз. В. Паренского

РАЗГОВОР У СТАНЦИОННОГО КАМИНА

Вот наконец долгожданный пришел выходной,
Праздничный харч, целовальник стоит непочатый.
Что же за стол не торопятся наши ребята?
Что же вдвоем мы сегодня остались с тобой?

А Шевляков и Ильин выходной не признали в упор,
Утром уехали делать на нерку заколку.
Жалко их время – от этого минимум толку.
Тут, как всегда, лишь студенческий выручит горб.

Кстати, студенты, наверное, спят как всегда...
Бочки кагают? Чего это на ночь-то глядя?
Да, я согласен, работу не сделает дядя,
Да и к тому же всю прибывает вода.

Где же Олег? С кем же будет Надюша плясать?
Не беспокойся, с Надеждой попляшут другие.
Корчит Олега межреберная невралгия,
Он уж не может и рюмку до рта поднимать.

Да и Надежду не видели месяц почти.
Слышал, на озере где-то она обитает,
Может, вернется к зиме, если не одичает,
А одичает – тогда нам ее не спасти.

Кликни Островского, пусть прибегает в момент.
Эка хватил! С острогой он на Атхоле ходит.
Что не убьет, то Надежда по трубам рассодит –
Это у них называется «эксперимент».

Где Золотухин? Наверно, «у катер» пошел.
Там, говорят, у него начались неполадки,
Льет карбюратор, пробиты на блоке прокладки,
Ну, а в редукторе год не меняли нигрол.

Есть же Паренский! Ведь он же сказал: «Никогда!»
Что? Рыбоводные? Вместе с гитарой? Неделю?
Чтоб комары его до полусмерти заели –
Так же нельзя проводить воскресенья всегда.

К нам приземлилась «тарелка», в ней что-то шкворчит.
Ну и машина – всему населению на диво!
Видимо, топлива ей до Устьев не хватило.
Как быть с контактом, ведь Фадин уехал в Ключи?

Как тут комар? Да с бекаса размером уже,
Не успеваешь теперь добежать до клозета –
Нас на ходу догоняет и жрет Culiseta,
Так что учти, тут опасно бывать в неглиже.

Слушай, наверно, сегодня среда – посмотри
Что-то Захаровна мне насчет дров намекала.
Где мой топор? До полуночи время навалом.
И раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...
13 июля 1980 г. С. Золотухин, В. Паренский

ПЕСНЯ О КОНТЕЙНЕРАХ, КОТОРЫЕ КАЖДОЕ ЛЕТО ЗАДЕРЖИВАЮТСЯ В ПУТИ

Что мне делать, я не знаю, почему из года в год
С нетерпеньем ожидаю свой любимый пароход?

Он везет мне не приветы, не набор грузинских вин.
Жду его уже пол-лета... И не только я один.

Пароход везет мне средство, чтоб я был всегда здоров,
И от нервов, и от сердца, от кусучих комаров.
По ночам по лесу шорох от голодных медведей.
Где ж идет сейчас мой порох?.. Где же совесть у людей?

По утрам не пью рассола, хоть и кончился отлов,
Я какой-то нездоровый, хоть здоров, как Бугаёв.
Враны граят на березе, грусть-тоска в моей груди,
Почему же я тверезый?.. Ну, контейнер, погоди!

21 июля 1981 г.

С. Золотухин

ВОДОЛАЗ

Утро проснулось над тихой рекою,
Вдали где-то лодка идет...
А меж Ивашкой и тундрой зеленою
Мишка мохнатый плывет.

Мишка плывет, и, бедняга, не знает,
Что в лодке студенты сидят,
В ствол в это время патрон досылают
И в прорезь прицела глядят.

Вылетали из ружей жаканы,
Без разбора раза наугад,
Будто радостно бил в барабаны
Боевой пионерский отряд.

Вечер склонился над тихой рекою,
Вдали где-то лодка идет,
А меж Ивашкой и тундрой зеленою
Мертвое тело плывет.

Тело плывет и о берег толкается,
Мертвые смотрят глаза,
Когти медвежьи за камни цепляются,
Шкуру колышет волна.

Милый мишутка, ну что ж тебя бросило
В гребень кипящей волны?..
Горе тебя к этой смерти придвинуло,
Люди тебя довели.

Вечер склонился над тихой водою,
Вдали где-то лодка идет...
А меж Ивашкой и тундрой зеленою
Мишкино тело плывет.

август 1981 г. К. Кашкин, М. Ковалев, Н. Крупяно, С. Зайцев